

Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Выбор пути 1917—1928 гг.

том II

Университет Дмитрия Пожарского

Николай Николаевич Платошкин

История Мексиканской революции. Выбор пути. 1917–1928 гг. Том II

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24062297

*История Мексиканской революции. Том 2. Выбор пути. 1917–1928 гг.:
Русский Фонд Содействования Образованию и Науке; Москва; 2011
ISBN 978-5-91244-035-9*

Аннотация

Вторая часть трилогии автора о мексиканской революции охватывает относительно неизвестный для российского читателя период 1917–1928 года, когда именно к Мексике и России было приковано внимание всего мира. В обеих странах победили масштабные народные революции и 20-е годы были временем реализации революционных программ на практике. В условиях ожесточенного противодействия Запада (и в случае Мексики – прежде всего, США) Россия и Мексика проводили грандиозные социальные эксперименты, внимательно изучая опыт друг друга. В обеих странах происходили ожесточенные внутренние схватки в стане победивших революционеров – и все это на фоне борьбы с поднимаемой головой реакцией. СССР уделял Мексике очень большое внимание как стране с революционным, народным

режимом. Не случайно, что советским полпредом в Мехико была назначена известная в то время во всем мире Александра Коллонтай. 1928 год – год коренного перелома в развитии революционного процесса как в Советском Союзе, так и в Мексике. Произошла смена моделей – в сторону радикализации революции в интересах ускорения индустриального развития и преодоления вековой отсталости.

Содержание

Глава 1. Страна на распутье: президентство	6
Каррансы. 1917–1920 годы	
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Николай Платошкин
История Мексиканской
революции. Выбор
пути. 1917–1928 гг. Том 2

© Платошкин Н. Н., 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

Глава 1. Страна на распутье: президентство Каррансы. 1917–1920 годы

31 января 1917 года делегаты конституционного Конвента в Керетаро¹ одобрили новую мексиканскую конституцию – самую прогрессивную в мире вплоть до принятия основного закона РСФСР в следующем году. Статья 3 Конституции наносила сильнейший удар церкви – полностью ликвидировалось религиозно окрашенное государственное образование. В статье 130 церкви строго запрещалось любое вмешательство в политическую жизнь, особенно критика конституции. 27-я статья провозглашала суверенитет Мексики над ее недрами – все иностранные добывающие компании, особенно нефтяные были обязаны получить от правительства страны разрешение на добычу, причем даже на тех участках, на которых вели работу до принятия конституции. Кроме того, в указанной статье содержалось обязательство государства провести аграрную реформу – разделить земли крупных помещичьих латифундий между безземельными крестьянами. Статья 123 содержала фактически первый в истории страны

¹ Подробнее о подготовке и проведении конституционного Конвента см. Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 320–361.

трудовой кодекс, где устанавливались восьмичасовой рабочий день и право на создание профсоюзов и вводился обязательный государственный арбитраж при разрешении трудовых споров.

Таким образом, революция 1910-1917 годов формально завершилась победой. Но в начале 1917 года это была именно формально-юридическая победа, ибо новый глава государства Венустиано Карранса вовсе не собирался претворять радикальные положения конституции в жизнь, ведь они были приняты делегатами конституционного Конвента вопреки его воле. Карранса предлагал свой конституционный вариант, фактически лишенный социально-экономических реформ. Пожалуй, единственное, что устраивало президента в новой конституции, – статья 27, направленная против иностранных компаний: «...земля и воды, находящиеся в пределах национальной территории, искони принадлежат нации, которая может передавать их во владения отдельным лицам, создавая (таким образом) частную собственность... Нация сохраняет за собой право в любое время наложить на частную собственность ограничения, которых потребуют общественные интересы....».² Карранса был убежденным националистом и представителем той части мексиканской буржуазии, которая очень тяготилась иностранной конкуренцией³.

² Цит по: Альперович М. С, Руденко Б. Т., Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 285.

³ Биографию Каррансы см. Krause. E. Mexico. Biography of Power. History of

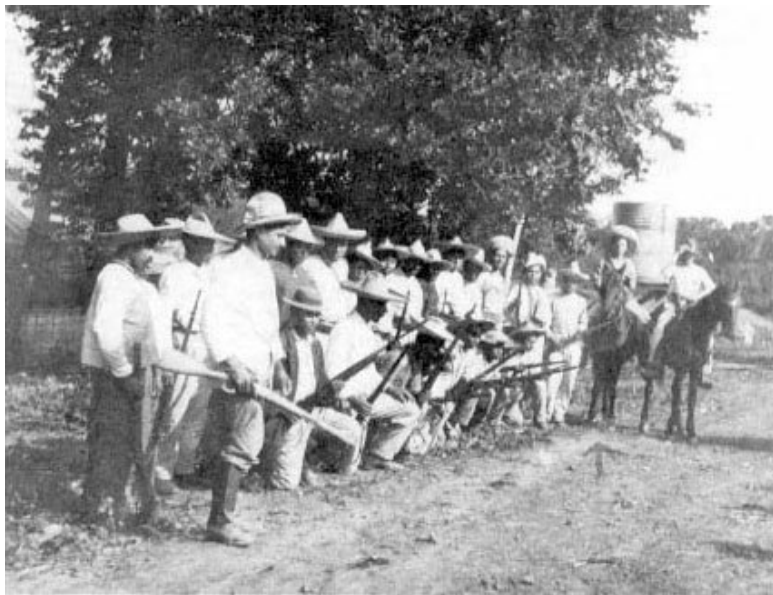
Здание в Керетаро, где была принята мексиканская конституция 1917 года

Аграрную реформу Карранса отвергал самым решительным образом, хотя и вынужден был в ходе ожесточенной гражданской войны против Вильи и Сапаты подписать в январе 1915 года радикальный указ о распределении земли. Во-первых, новый глава Мексики полагал, что право частной собственности должно соблюдаться неукоснитель-

но: с его точки зрения, это защитило бы помещиков от экспроприации земель. Во-вторых, Карранса приводил технократический аргумент, очень распространенный среди «просвещенной» части мексиканского общества того периода. Он считал, что возвращение или передача крупных поместий крестьянским общинам («эхидос») подорвет сельскохозяйственное производство и всю бюджетную систему страны. Ведь помещики производили в основном технические экспортные культуры (сахарный тростник, хенекен, хлопок), в то время как зерно завозилось из-за границы. Крестьяне же требовали земли, чтобы прокормиться, они стремились выращивать бобы и кукурузу – основу питания простых мексиканцев на протяжении столетий. Но это лишало правительство основной доли экспортной выручки, а ведь в Европе бушевала Первая мировая война, и цены на мексиканские товары резко росли.

Итак, можно констатировать, что Карранса находился в противоречии с чаяниями 70 % населения страны – именно столько в Мексике было малоземельных и безземельных крестьян. «Дон Венус», как называли Каррансу, решил в этих условиях проводить следующий курс: формально все социальные преобразования он отдал на откуп губернаторам штатов, одновременно прилагая все усилия, чтобы на выборах в штатах побеждали лично преданные ему люди. Карранса прекрасно усвоил уроки своего поражения на конституционном Конвенте – несмотря на предварительный отбор делега-

тов, делегаты эти оказались гораздо радикальнее, чем предполагалось.

Один из отрядов Мануэля Пелаеса, 1917 год

После конвента в Керетаро «дон Венус» приступил к укреплению режима личной власти в стране. Это было крайне непростой задачей. Реальной политической силой Мексики 1917 года являлась революционная армия, возникшая в ходе борьбы с диктатором Уэртой в 1913–1914 годах. После разгрома Уэрты и победы над Вильей в 1915 году коман-

дующие отдельными частями армии фактически стали правителями тех территорий, где они воевали. Набранные ими войска подчинялись только своим вождям, а не Каррансе. К тому же многие солдаты революционной армии вступили в нее как раз из-за обещаний своих военачальников наделить их землей после победы, и ждать эти люди не желали. Карранса постоянно говорил о засилье милитаризма, хотя явно передергивал, ибо профессиональными военными революционные офицеры и солдаты не были. Он очень хотел сократить армию, но не мог этого сделать, так как страна была еще очень далека от умиротворения.⁴

В штате Чиуауа Вилья все еще был грозной силой и мог захватывать города, включая столицу (хотя и ненадолго). Поэтому в этом штате приходилось сохранять военное положение и держать несколько десятков тысяч солдат и всякого рода ополченцев. Такая же обстановка была и в Морелосе, где партизанская армия Сапаты контролировала всю территорию за исключением столицы штата Куэрнаваки. В районе крупных нефтяных месторождений на востоке, вблизи порта Тампико, действовали отряды реакционно настроенного генерала Мануэля Пелаеса. Пелаес получал деньги и оружие от американских нефтяных компаний, которые рассчитывали, что он не даст провести в жизнь положения Конституции

⁴ Одновременно Карранса старался «прикормить» высший генералитет, резко увеличив денежное довольствие военнослужащих. Военный бюджет при Каррансе был примерно в 10 раз больше, чем в последние годы диктатуры Порфирио Диаса.

1917 года. В самом районе порта Тампико постоянно дежурила эскадра ВМС США. Американцы только и ждали, когда войска Каррансы начнут боевые действия против Пелаеса, чтобы вмешаться в конфликт и оккупировать нефтеносные районы Мексики.

Наконец, в южных штатах Оахака, Герреро и Чьяпас во-
евали против правительства части, подчинявшиеся племян-
нику диктатора Порфирио Диаса – Феликсу⁵ Феликсисты
(так их называли в стране, сами себя они именовали Наци-
ональной армией реорганизации) тоже придерживались ско-
рее контрреволюционных взглядов, однако в их рядах бы-
ло много крестьян-индейцев, обозленных нежеланием Кар-
рансы распределять помещичьи земли. К тому же набожных
крестьян юга Мексики очень не устраивал показной и зача-
стую доведенный до абсурда антиклерикализм нового пра-
вительства. Вдобавок, Оахака была родным штатом Порфи-
рио Диаса, который в свое время стремился осыпать малую
родину всяческими социальными благами. Поэтому жители
штата не испытывали к бывшему диктатору такой ненависти,
как их соотечественники на севере. По данным американ-
ских источников, популярности Диаса в немалой степени со-
действовал и порядок в тех районах страны, которые контро-
лировали феликсисты. Один американский бизнесмен, взя-
тый в плен феликсистами в штате Веракрус, где он пытал-
ся наладить заготовку древесины, позднее сообщал: «Эко-
номические условия жизни довольно хорошие. Много зер-
на, очень дешевая кукуруза. Общее настроение населения на

⁵ McLynn F. Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 347–349.

территории, занятой революционерами, – в пользу упомянутых революционеров, которые говорят о поддержке старого режима (диктатуры Порфирио Диаса – прим. автора) и о том, что контролируют огромную часть мексиканской территории за пределами железных дорог и крупных городов»⁶.

Все эти, подчас противоположные в идеологическом смысле антиправительственные группировки объединяла ненависть к Каррансе. Неудивительно, что, например, Сапата и Феликс Диас, действуя в соседних штатах, стали координировать боевые операции против правительственных войск.

В этих условиях Карранса просто не мог сократить армию радикальным образом. К тому же солдаты и офицеры правительственных войск за долгие годы войн (многие воевали с 1910 года) отвыкли от мирного труда и просто не хотели возвращаться к гражданской жизни. Любая серьезная демобилизация в этой взрывоопасной среде неизбежно привела бы к военному мятежу. Наконец, самому Каррансе, человеку штатскому, не приходилось рассчитывать на личную преданность ни одной, даже самой малой воинской части. В этих условиях Карранса действовал по принципу «разделяй и властвуй», настраивая самых видных генералов друг против друга. К тому же президент посылал наиболее талантливых генералов армии на карательные операции против Вильи

⁶ Koth K. Waking the dictator. Veracruz, the struggle for Federalism and the Mexican Revolution 1870-1927. University of Calgary Press, 2002. P. 220.

и Сапаты с тем, чтобы предотвратить возможный союз этих очень популярных в народе вождей с радикально настроенными элементами правительственных войск.

Реальными претендентами на роль общенационального лидера в армейской среде были, пожалуй, два военачальника – Альваро Обрегон⁷ и Пабло Гонсалес. Обрегон командовал северо-западной армией конституционалистов в борьбе с Уэртой, но громкую славу ему снискал разгром Вильи в битве при Селайе в апреле 1915 года. Как говорилось в первом томе настоящей книги, это было самое крупное сражение в истории Латинской Америки по количеству участвовавших в нем бойцов. Альваро Обрегон слыл радикалом, и именно с ним трудящиеся Мексики связывали свои надежды на социально-экономические преобразования. Потеряв руку в битве с Вильей летом 1915 года, он страстно ненавидел последнего, что, по мнению Каррансы, навсегда исключало даже тактический союз этих двух самых популярных мексиканцев того времени.

⁷ Биографию Обрегона (вплоть до занятия им поста президента) см. в Hall L. B. Alvaro Obregon. Power and Revolution in Mexico 1910-1920. College Station, 1981.

Генерал Пабло Гонсалес

Пабло Гонсалес был гораздо ближе к президенту, так как в годы войны против Уэрты командовал северо-восточными частями конституционалистов в Коауиле, родном шта-

те Каррансы. Однако, в отличие от Обрегона, его армия не могла похвастаться крупными удачами в битвах с Уэртой, а от Вильи Гонсалес потерпел ряд чувствительных поражений. Его авторитет в войсках за пределами собственных частей не шел ни в какое сравнение со славой Обрегона, которого даже американская печать величала «Наполеоном Западного полушария». Но именно на зависть Гонсалеса по отношению к Обрегону и делал ставку Карранса. К тому же он послал Гонсалеса на борьбу с Сапатой, чтобы исключить даже намек на возможность взаимопонимания между своим генералом и лидером крестьян юга Мексики. Карранса прекрасно понимал, что, объединившись, Гонсалес и Сапата могут захватить Мехико в течение суток.

Таким образом, лавируя и интригуя, Карранса стал постепенно укреплять свою власть в стране. 11 марта 1917 года прошли президентские выборы – в условиях фактического военного положения и при открытом вмешательстве армии в избирательный процесс на большей части территории Мексики. Карранса победил, получив 197 тысяч голосов из 213 тысяч (в стране в то время жили примерно 14,5 миллиона человек).⁸ Оставшаяся доля пришлась на Гонсалеса и Обрегона, хотя оба генерала формально поддерживали Каррансу и выставили свои кандидатуры только для того, чтобы придать выборам видимость конкурентности.

⁸ Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 178.

Выборы, как и до революции 1910 года, сопровождались массовыми фальсификациями и запугиванием избирателей. Из 3 миллионов имевших право голоса мексиканцев на избирательные участки явились фактически только военнотруженики, голосовавшие так, как им скажут офицеры, чиновники и члены их семей. Помещики приводили целыми колоннами на избирательные участки своих батраков-пеонов и прямо у избирательных урн выплачивали им дневную заработную плату за исполнение гражданского долга – от 50 сентаво до одного песо. К тому же многие пеоны в то время работали даже не на бывших помещиков, а на генералов революционной армии, которые управляли «временно конфискованными» поместьями зачастую еще более эксплуататорскими методами, чем прежние хозяева-контрреволюционеры.

Но победа Каррансы оказалась пирровой. На проходивших одновременно с президентскими парламентских выборах избрали в основном кандидатов, оппозиционно настроенных по отношению к Каррансе. Формально оглушительную победу одержала Либерально-конституционалистская партия, созданная еще в годы войны с Вильей Обрегеном и Каррансой. Однако фактически кандидатов в Конгресс на местах отбирали генералы революционной армии, и поэтому парламент стал гораздо более радикальным, чем того хотел Карранса. К тому же большинство депутатов с самого начала ориентировались на Обрегона, которого считали, в отличие

от Каррансы, настоящим революционером. 15 апреля 1917 года, когда мексиканский парламент собрался на свое первое заседание, выяснилось, что «обрегонистов» в нем примерно в четыре раза больше, чем каррансистов. Конгресс с самого начала дал понять Каррансе свое оппозиционное настроение: депутаты отказались подтвердить полномочия его ближайшего друга – Палавичини, избранного от штата Табаско и слывшего главным врагом Обрегона среди окружения президента.⁹

Неудивительно, что Карранса решил устранить Обрегона с политической арены. Под давлением президента Обрегон 1 мая 1917 года подал в отставку с поста военного министра и удалился в свой родной штат Сонору, где занялся бизнесом. Карранса решил вообще не назначать нового главу министерства – преемник Обрегона Хесус Кастро именовался только заместителем министра. Этот шаг был подан Каррансой как очередной успех в борьбе с «милитаризмом».

Чтобы компенсировать неудачу с подбором депутатов в Конгресс, Карранса активно сконцентрировался на выборах губернаторов штатов, которые в условиях мексиканского федерализма зачастую имели на местах более высокий авторитет, чем центральные власти в далеком Мехико. Временными губернаторами президент назначал, как правило, военных, так как по конституции временные губернаторы шта-

⁹ Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 363.

тов не имели права баллотироваться на выборах в «постоянные». В крайне важном с финансовой точки зрения штате Веракрус, где находилась крупнейшая таможня Мексики – фактически основной источник бюджетных поступлений, Карранса пролоббировал избрание губернатором своего зятя Кандидо Агилара.¹⁰ Лично для президента Веракрус имел и другое важное значение: в случае военного мятежа в Мехико он намеревался бежать в этот портовый город, который было довольно легко оборонять и откуда всегда можно было уехать в эмиграцию. Карранса помнил, что когда части Сапаты и Вильи выбили его из столицы в конце 1914 года, то именно в Веракрусе удалось восстановить силы и перейти в контрнаступление. В штате Пуэбла, который находился как раз между Веракрусом и Мехико, Каррансе удалось продать на пост губернатора сына своего министра финансов.

В целом Карранса мог быть доволен губернаторскими выборами в штатах в 1917 году – из 19 избранных губернаторов 14 считались надежными союзниками «дона Венуса». Несмотря на крайне напряженную предвыборную ситуацию

¹⁰ Кандидо Агилар родился в штате Веракрус 23 февраля 1889 года и до революции 1910-1911 года работал на ранчо своего отца. Принял участие в вооруженной борьбе против Порфирио Диаса и получил от президента Мадеро офицерское звание, но не армейское, а в ополчении, что было ниже по статусу. Агилар участвовал также в вооруженных операциях против частей Паскуаля Ороско, Феликса Диаса и Эмилиано Сапаты. В 1914-1916 годах был губернатором Веракруса, с марта по ноябрь 1916 года и с февраля по ноябрь 1918-го – министром иностранных дел в федеральном правительстве. Также был первым вице-президентом конституционного Конвента в Керетаро.

в ряде штатов, например в Мичоакане, удалось избежать открытых мятежей против правительства со стороны проигравших кандидатов. Только три губернатора открыто выражали свою оппозиционность Каррансе. И самым опасным среди них был губернатор Соноры, «колыбели» мексиканской революции, – Плутарко Кальес.¹¹

Кальес служил в частях Обрегона во время кампании против Уэрты, но имел и самостоятельную репутацию относительно успешного генерала. Он разбил части Вильи, правда, серьезно ослабленные предыдущими поражениями от Обрегона, под городом Агуа-Приета в конце 1915 года, чем фактически закончил гражданскую войну в стране. Кальес слыл радикалом и даже «большевиком». Он активно проводил в Соноре аграрную реформу, открывал десятки бесплатных школ для бедных слоев населения и изгнал из штата всех католических священников. Карранса помнил, что именно Сонора с ее богатыми материальными ресурсами сыграла решающую роль в победе восстания против федерального правительства Уэрты в 1913–1914 годах. Кальес мог вполне повторить этот успех и в отношении администрации Каррансы, которого презирал именно за отказ проводить в стране широкие социально-экономические преобразования.

Но до поры до времени Кальес и Обрегон не выказывали явных стремлений свергнуть Каррансу. Ведь в условиях

¹¹ Биографию Кальеса см. Krause E. Plutarco E. Calles. Reformar desde Origen. Mexico, 1987.

1917 года это могло бы привести к очередной широкомасштабной войне, вовсе не нужной и без того измученному населению. Любой мятеж против Каррансы мог вызвать новый приток пополнений в отряды Сапаты и Вильи, а также побудить отдельных местных генералов к провозглашению собственных «планов» по занятию президентского поста. (Как мы помним, всякое хоть мало-мальски значимое восстание по традиции называлось «революцией» и начиналось с провозглашения «плана» — то есть политической программы повстанцев.) Весь этот хаос почти наверняка привел бы к военной интервенции США. А американцы, вступив в Первую мировую войну, в апреле 1917 года ввели воинскую повинность и содержали под ружьем миллионную армию.

Итак, пока Карранса формально обладал всей полнотой власти в стране, за исключением тех районов, где шла борьба с силами Эмилиано Сапаты, Феликса Диаса и Панчо Вильи.

Основной проблемой нового правительства было сложное экономическое положение страны. Конечно, революция и гражданская война в Мексике 1910–1917 годов не имели для экономики столь разрушительного значения, как аналогичные события в России в 1917–1920 годы. Некоторые мексиканские штаты, например Юкатан, вообще не пострадали от боевых действий. К тому же там, где эти боевые действия велись (прежде всего на севере страны), почти все противоборствующие стороны старались беречь предприятия и жилые постройки. Именно полностью сохраненные крупные

латифундии севера (асиенды) были реквизированы революционерами и служили источниками финансирования в борьбе с правительственными войсками Уэрты. В Соноре и Чиуауа армии Обрегона и Вильи продавали с конфискованных асиенд скот в США и закупали там оружие. В самой Мексике до прихода к власти Каррансы военной промышленности практически не существовало, хотя Уэрта и пытался ее создать.

Однако к 1917 году поголовье скота сильно уменьшилось, и даже на севере страны, где мясо было повседневной едой, начался голод. К тому же американцы резко ограничили импорт мексиканского скота, будучи крайне недовольны новой мексиканской конституцией. Фактически США требовали от Мексики выполнения трех условий в качестве предпосылок для возобновления полномасштабных торгово-экономических отношений: возмещения убытков американских граждан, которые те потерпели в годы гражданской войны; начала погашения внешнего долга страны иностранным кредиторам (причем, опять же, всех долгов, включая и те, что были сделаны нелегитимным правительством генерала Уэрты, не признанным даже самими США); фактического отказа от введения в силу положений статьи 27 Конституции 1917 года в отношении американских нефтяных компаний – на практике это означало бы экстерриториальность американского бизнеса в Мексике.

Карранса, как уже упоминалось, являлся последователь-

ным националистом и относился к США, мягко говоря, очень прохладно. «Дон Венус» был готов обсуждать первые два пункта американских требований, ибо и сам ратовал за священность права частной собственности. Но в отношении конституции Карранса ни на какие уступки идти не желал – он был твердо убежден, что недра Мексики должны принадлежать только мексиканцам.

В подобных мыслях не содержалось ничего радикального, тем более «большевистского», хотя американские СМИ часто именовали помещика Каррансу «красным» или «большевиком». Еще испанские завоеватели Мексики провозгласили все недра собственностью короны, то есть государства. Им не перечили и мексиканские либералы, в частности Хуарес, чьи традиции формально продолжала революция. Даже диктатор Порфирио Диас пытался в 1907-1909 годах реформировать мексиканское законодательство о недрах, чтобы закрепить их принадлежность всей нации. Кстати, именно поэтому американцы в 1910-м поддержали вооруженное восстание против Диаса.

Но в 1917 году вопрос о недрах, прежде всего о нефти, стал вопросом жизни и смерти мексиканского государства. Правительство Каррансы тратило в месяц примерно 16,5 миллиона песо, из которых 10 миллионов шло на нужды армии.¹² В рядах армии числились примерно 120 тысяч

¹² Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 178.

военнослужащих (на самом деле солдат было менее 80 тысяч, офицеры и генералы просто присваивали себе жалование «мертвых душ»). Карранса, как уже упоминалось, по соображениям внутривластного характера не мог радикально сократить армию, не рискуя спровоцировать военный мятеж.

Доходы правительства Каррансы в месяц составляли не более 11 миллионов песо. Эта сумма даже превышала аналогичный показатель времен Диаса, однако ее не хватало для нормального функционирования правительства в условиях военного положения во многих районах Мексики. Пока разницу между доходами и расходами удавалось погашать за счет займов у частных банков, но эти деньги кончались. Каррансе срочно нужен был иностранный заем. Он помнил, что именно неудача Уэрты с получением кредита за рубежом привела его режим к банкротству и поражению в гражданской войне.¹³

В разгар Первой мировой войны Карранса мог занять деньги только у США, так как страны Антанты и Четверного союза не выделили бы ни сентима, пфеннига или копейки в пользу далекой от театров военных действий Мексики. Американцы же, как упоминалось выше, требовали от Каррансы фактической ревизии только что принятой конституции. Если бы президент и принял это капитулянтское условие, его

¹³ Meyer M. Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 178–190.

режим немедленно смело бы народное восстание под руководством Обрегона и Кальеса и при поддержке Вильи, постоянно величавшего Каррансу «креатурой проклятых янки».

Американские нефтяные компании в Мексике под защитой отрядов Пелаеса встали на путь откровенного саботажа – они снижали производство, мотивируя это неясностью своего правового статуса после принятия конституции. Одновременно их лоббисты в Вашингтоне пытались побудить правительство США к открытой военной интервенции в Мексике. Явно антиправительственная политика американских промышленников не только подрывала престиж Каррансы как главы суверенного государства, но и лишала новый режим важного источника финансирования – налогов и экспортных пошлин, взимавшихся при вывозе нефти.

Поэтому Карранса пытался всячески лавировать между США, Германией и Японией, что было не так уж сложно, учитывая сумятицу военного времени.

Осенью 1916 года Карранса обратился к Германии с просьбой о поставках оружия.¹⁴ В то время, как мы помним, на территории Мексики находилась карательная экспедиция армии США во главе с генералом Першингом, по официальной версии направленная для преследования Вильи после дерзкого рейда последнего на американский городок Колумбус в марте 1916 года. Карранса не исключал полномасштабной войны с США и крайне нуждался во внешнеполи-

¹⁴ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 336.

тическом союзе с Берлином. Но Германия не желала обострять отношения с США, которые хотя и помогали Антанте оружием и снаряжением, но все же пока непосредственно не участвовали в войне.

Однако политика Германии коренным образом изменилась уже в первые месяцы 1917 года. В Берлине решили, что самым кратким путем к капитуляции Англии будет неограниченная подводная война против всех судов, доставлявших товары на Британские острова. Многие из этих судов были американскими, и их потопление могло спровоцировать вступление США в войну. Но немцы считали, что поставят Англию на колени быстрее, чем США перебросят вооруженные силы в Европу. В этих условиях Германия стремилась заключить с Мексикой военный союз, чтобы американцы оказались втянутыми в войну на своей южной границе и забыли о Европе.

19 января 1917 года фактический министр иностранных дел Германии Артур Циммерман в зашифрованной телеграмме, адресованной германскому посольству в США для передачи в дипмиссию Германии в Мехико, предложил Мексике совместное объявление войны США. Немцы гарантировали финансовую и военную помощь, а также присоединение к Мексике всех территорий (штатов Техас, Аризона и Нью-Мексико), отторгнутых у нее США в ходе войны 1846–1848 годов, что увеличило бы территорию страны примерно в два раза. Однако телеграмма Циммермана была перехваче-

на британской разведкой. Англичане сначала частично, а затем полностью расшифровали текст и через месяц передали его американцам. Сразу передавать США расшифрованный текст не стали, чтобы немцы не сменили код.¹⁵ В Вашингтоне депеша вызвала переполох, и ее решили опубликовать, что и было сделано 28 февраля 1917 года.

¹⁵ Первоначально англичанам удалось дешифровать следующий текст: «Гриф Совершенно секретно. Начало неограниченной подводной войны намечено на 1 февраля 1917 тчк Тем не менее, надеемся удержать Америку нейтральной тчк Если это не...то мы сделаем (Мексике?) следующее предложение о союзе. ведение войны... мирный договор... Вы... президенту... сообщить в совершенной тайне...(Начало?) войны с Соединенными Штатами... (Япония)...должна посредничать тчк Пожалуйста разъясните президенту, что.... подводные лодки... заставят Англию в течение нескольких месяцев заключить мирный договор тчк Подтвердите получение». Криптографы британской разведки вычислили, что цифры 67893 в телеграмме означают слово «Мексика». Посольство Германии в США передало телеграмму в дипмиссию в Мехико с помощью другого кода, уже известного англичанам, и те смогли наконец полностью прочитать текст.

CLASS OF SERVICE DESIRED	
Fast Day Message	☒
Day Letter	☐
Night Message	☐
Night Letter	☐

Patrons should mark in X opposite the class & service desired. OTHERWISE THE TELEGRAM WILL BE TRANSMITTED AS A FAST DAY MESSAGE.

WESTERN UNION TELEGRAM

NEWCOMB CARLTON, PRESIDENT

Check	5500
Time Filed	

Send the following telegram, subject to the terms on back hereof, which are hereby agreed to:

via Galveston

JAN 18 1917

GERMAN LEGATION

MEXICO CITY

130	13042	13401	8501	115	3528	416	17214	6491	11310
18147	18222	21500	10247	11518	23677	13805	3494	14936	
98092	5905	11311	10392	10371	0302	21290	5161	39695	
23571	17504	11269	18276	18101	0317	0228	17694	4473	
23284	22200	19452	21589	07893	5509	13918	8958	12137	
1333	4725	4458	5905	17106	13851	4458	17149	14471	6700
13850	12224	0929	14991	7382	15857	67893	14218	36477	
5870	17553	07893	5870	5454	16102	15217	22801	17138	
21001	17388	7446	23638	18222	6719	14331	15021	23845	
3158	23552	22096	21604	4797	9497	22404	20855	4377	
23610	18140	22260	5905	13347	20420	39089	13732	20667	
6929	5275	18507	52262	1340	22049	13339	11265	22295	
10439	14814	4178	6992	8784	7632	7357	6926	52262	11267
21100	21272	9346	9559	22404	15874	18502	18500	15857	
2188	5376	7381	98092	16127	13486	9350	9220	76036	14219
5144	2831	17920	11347	17142	11264	7667	7762	15099	9110
10482	97556	3609	3670						

BEPNSTOPFF.

Charge German Embassy.

Телеграмма Циммермана

Полный текст телеграммы Циммермана гласил: «Мы намереваемся начать 1 февраля неограниченную подводную войну. Попытаемся, несмотря на это, сохранить Америку нейтральной. Если это не удастся, предложите Мексике союз на следующих условиях. Совместное ведение войны. Совместное заключение мира. Достаточная финансовая поддержка и согласие с нашей стороны на то, что Мексика снова получит ранее утерянные территории в Техасе, Нью-Мексико, Аризоне. Частности передаются на усмотрение Вашего Высочородия. Ваше Высочородие в строжайшей тайне сообщит президенту вышеупомянутое, как только начало войны против Соединенных Штатов станет неминуемым, и прибавит предложение немедленно пригласить Японию присоединиться (к союзу) и одновременно посредничать между нами и Японией. Пожалуйста, укажите президенту на то, что неограниченное применение наших подводных лодок сейчас открывает перспективу заставить Англию в течение нескольких месяцев заключить мир. Подтвердите получение. Циммерман»

Каррансе пришлось отмежеваться от всех контактов с Берлином. Иным образом мексиканский президент в тот момент поступить не мог – части карательной экспедиции Першинга после долгих и мучительных переговоров стали наконец покидать мексиканскую территорию. Карранса не хотел давать президенту США Вильсону ни малейшего пред-

лога для задержки Першинга в Мексике. 14 апреля 1917 года Карранса формально ответил немцам отказом.

За неделю до этого США вступили в войну против Германии (для обработки настроенного в целом пацифистски американского общественного мнения Вильсон использовал именно телеграмму Циммермана), и Карранса мог уже не опасаться широкомасштабного военного вторжения со стороны северного соседа.

Да и Вудро Вильсон, давно мечтавший о вступлении в войну на стороне Антанты, изменил отношение к Каррансе, которого недолюбливал. Назначенный в феврале 1917 года послом США в Мехико Генри Флетчер получил от Вильсона инструкции любыми способами избежать того, чтобы спровоцировать мексиканского президента на антиамериканские действия.

26 февраля посол Флетчер встретился по заданию госдепартамента с министром иностранных дел Мексики Кандидо Агиларом (хотя изначально должен был добиваться встречи с Каррансой, чтобы зачитать ему телеграмму Циммермана и вынудить прокомментировать ее публично). Выслушав текст телеграммы, Агилар удивился и сказал, что германский посланник в Мехико Экхардт никаких предложений такого рода ему не делал. Может, посланник говорил об этом с Каррансой, но он, Агилар, не в курсе. Между тем Экхардт 5 февраля получил от Циммермана указание немедленно предложить Мексике союз, не дожидаясь вступления США в войну,

если текст телеграммы каким-либо образом станет известным американцам. Однако Карранса находился в штате Халиско, и Эххардт не смог вовремя с ним встретиться.¹⁶

На самом деле Агилар, мягко говоря, дезинформировал Флетчера. 20 февраля германский посланник все-таки проинформировал мексиканского министра иностранных дел о содержании телеграммы Циммермана. Агилар немедленно ответил согласием и сразу же установил контакт с японским посланником.¹⁷ 26 февраля Эххардт снова поднял вопрос о германо-мексиканском союзе в беседе с Агиларом. Но в тот же день к Агилару прибыл Флетчер, и мексиканцы поняли, что тайная дипломатия Берлина уже не является тайной.

Вступив в войну, администрация Вильсона старалась без нужды не задевать национальные чувства южных соседей, и, к неудовольствию бизнесменов США, президент оставался глухим к жалобам американских нефтяных компаний в Мексике на Конституцию 1917 года. Он лишь пообещал вплотную заняться этим вопросом после окончания мировой войны.

Карранса явно наслаждался полученной им после вступления США в войну в Европе свободой внешнеполитического маневра. В феврале 1917 года Мексика выступила с

¹⁶ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taf and Wilson with Mexico, 1910-1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 250–251.

¹⁷ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taf and Wilson with Mexico, 1910-1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 251.

инициативой создания в западном полушарии «блока нейтралов». Этот шаг вызвал одобрение Берлина и явное неудовольствие США – американцы хотели под предлогом войны получить военные базы в латиноамериканских странах. Вильсон ужесточил торговые санкции против Мексики. Отныне американские компании лишались права продавать южному соседу не только оружие, но и продовольствие. В Мексике начался голод.

Финансовое положение Каррансы в условиях фактического американского эмбарго стало катастрофическим, и в апреле 1917 года он решился наконец прижать американский нефтяной бизнес в Мексике. Было объявлено о введении экспортного налога в 10 % на вывоз мексиканской нефти. Американские нефтяные компании опять запротестовали, но правительство Вильсона не нашло формального повода для осуждения. К тому же вступившим в войну США была необходима мексиканская нефть.

Посол США в Мехико Флетчер сообщил 10 апреля 1917 года, что Мексика готова вообще прекратить экспорт нефти из порта Тампико. Госсекретарь Лансинг немедленно предложил Вильсону оккупировать Тампико. Однако президент в ответном письме своему госсекретарю был вынужден признать, что, «к сожалению», мексиканское правительство имеет законное право делать со своей нефтью все, что захочет.¹⁸ Правда, Вильсон пытался побудить англичан совер-

¹⁸ Haley P. E. Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with

шить оккупацию Тампико, но те были слишком заняты войной в Европе.

Вильсон не стал нажимать на Мексику еще и потому, что в выступлении перед Конгрессом 15 апреля 1917 года Карранса объявил о мексиканском нейтралитете в Первой мировой войне, чего и добивался президент США. Карранса расценил молчание Вильсона как победу и продолжил наступление на «нефтяном фронте». В июне 1917 года он запретил иностранным компаниям бурение на участках, сданных в аренду после 5 февраля, то есть после вступления в силу новой мексиканской Конституции.¹⁹ 19 февраля 1918 года был опубликован декрет, по которому все иностранные добывающие компании были обязаны заплатить мексиканскому правительству роялти за право добычи нефти, причем и в тех районах, где добыча шла задолго до принятия конституции.²⁰ Вплоть до уплаты роялти иностранным компаниям запрещалось бурить новые скважины даже в пределах уже находящихся в их руках территорий. Одновременно иностранцам предписывалось срочно перерегистрировать свои концессионные права на добычу нефти у мексиканских властей.

На сей раз правительство Вильсона выступило с резким протестом и расценило декрет Каррансы как противоправ-

Mexico, 1910-1917. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 255.

¹⁹ Shafer R. J., Mabry D. J. Neighbors – Mexico and the United States: Wetbacks and Oil. Chicago, Nelson-Hall, 1981. P. 28–31.

²⁰ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 338.

ное применение мексиканской конституции задним числом. Особое возмущение Вашингтона вызвало именно требование о повторной регистрации прав на добычу. Американские газеты стали называть Каррансу большевиком и писать о «советской Мексике».

Никаким большевиком помещик Карранса, как мы уже не раз говорили, конечно, не был, однако события в далекой России имели прямое отношение к его политике. После декрета Ленина о мире в ноябре 1917 года Россия фактически вышла из войны. Карранса расценил это как удар по США – ведь теперь германская армия с восточного фронта будет переброшена на западный и нанесет поражение необстрелянным «пончикам» (так называли солдат американской экспедиционной армии в Европе).

К тому же сразу после социалистической революции в России немцы возобновили свой флирт с Каррансой и через посольство в Мехико предложили ему кредит в 70 миллионов песо в обмен на мексиканский нейтралитет в войне. Карранса был не против, однако инициатива германского посольства тогда не была поддержана в Берлине. Немцев охватила самоуверенность – после выхода России из войны они рассчитывали быстро покончить с Антантой без помощи далекой Мексики.

Весь 1917 год Карранса пытался получить кредит в США, и перейти на открыто антиамериканские позиции заставил его в числе прочих причин крах этих попыток. 8 мая 1917 го-

да он запросил у Конгресса полномочия на учреждение центрального банка страны, чтобы привести в порядок крайне обесценившуюся мексиканскую валюту. Конгресс не возражал, но центральному банку требовался первоначальный капитал – причем в твердой валюте.

Через мексиканских банкиров правительство попросило у крупнейшего финансиста США Моргана поддержки в получении кредита у консорциума американских банков. Однако Морган порекомендовал обратиться к президенту Вильсону. В мае 1917 года по приглашению Каррансы в Мехико прибыла делегация американских банкиров для анализа экономической ситуации в стране (к удивлению гостей, они не заметили никаких вызванных гражданской войной разрушений). Визит американских финансистов заставил Германию опять предложить Мексике военный союз, но Карранса вновь ответил отказом. В июне министр финансов и ближайший соратник Каррансы Кабрера (его американские газеты тоже именовали то большевиком, то анархистом) официально объявил о желании Мексики получить кредит в американских банках. 23 июля Конгресс дал Каррансе полномочия занять за рубежом 250 миллионов песо, из которых 100 миллионов должны были стать учредительным капиталом центрального банка страны. В Нью-Йорке продолжались неофициальные переговоры с Морганом – мексиканцы соглашались выплатить из нового кредита часть обязательств по внешним долгам и компенсировать убытки американских

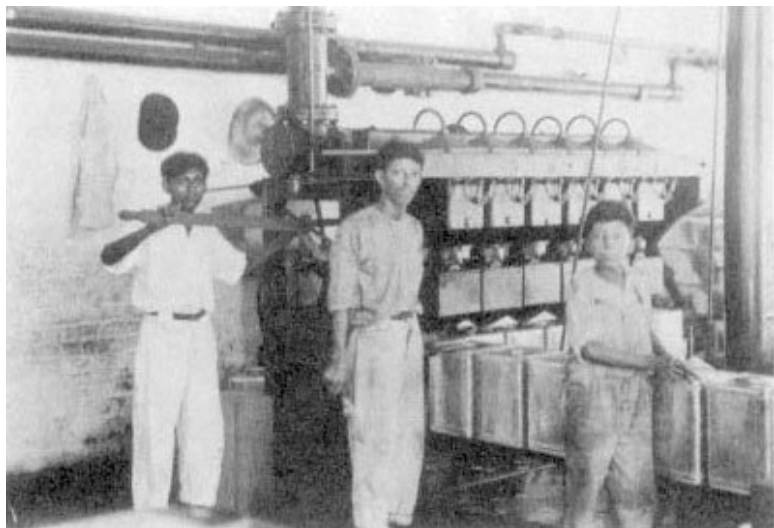
граждан в годы революции и гражданской войны.

Карранса подчеркивал свое уважение к частной собственности и поощрял начавшийся возврат асиенд бывшим помещикам. Особое впечатление в США произвело сообщение о возврате земельной собственности бывшему министру финансов в правительстве диктатора Диаса – Лимантуру, которого в Мексике все считали ставленником иностранного капитала. В начале августа 1917 года в беседе с послом США Карранса заверил его, что применение статьи 27 Конституции ни в коем случае не будет означать конфискации собственности американских нефтяных компаний. Внимательно наблюдавшие за американо-мексиканскими контактами немцы опять предложили Каррансе военный союз против США и опять наткнулись на отказ.

Казалось, что Карранса близок к успеху. 20 августа 1917 года госдепартамент США официально заявил, что одобряет кредиты американских банков мексиканскому правительству. 31 августа правительство Вильсона признало режим Каррансы де-юре, а уже на следующий день Карранса направил Кабреру в США для ведения официальных переговоров о кредите. В качестве жеста доброй воли власти США передали Мексике задержанные ранее американской таможней партии оружия и боеприпасов, закупленные правительством Каррансы.

Однако все усилия Каррансы оказались бесплодными. Без правительственных гарантий давать деньги революционной

стране воротили Уолл-стрит не желали. Морган в Нью-Йорке опять переадресовал Кабреру в госдепартамент. Там посланцу заявили, что смогут гарантировать кредит американских частных банков Мексике, только если она вступит в войну против Германии, причем Вильсон предложил занять деньги не у частных банков, а у правительства США. Карранса решительно отказался – он прекрасно понимал, что вслед за таким кредитом в страну могут опять прийти американские солдаты. Правительство США в ответ ограничило экспорт золота в Мексику. Это означало, что мексиканские компании не смогут приобретать в США ни продовольствия, ни оборудования, – вся торговля в военное время велась только за золото. 1 ноября 1917 года Кабрера прервал переговоры в Нью-Йорке, обвинив американские нефтяные компании в их срыве, что было чистой правдой, хотя и не полной.

Фабрика нефтяной компании «Эль Агила» в Тампико, 1920 год

Карранса все еще пытался спасти положение и согласился на учреждение совместной мексикано-американской комиссии по определению объемов ущерба американских граждан в Мексике. Однако и это не смягчило позицию американских властей, в связи с чем Кабрере пришлось несолоно хлебавши отбыть в Мексику в декабре. В это же время на деньги американского нефтяного гиганта «Стандард Ойл» готовилось реакционное восстание против Каррансы.

Как раз в декабре 1917 года, решив воспользоваться крахом миссии Кабреры, посольство Германии в Мехико и

предложило на свой страх и риск Каррансе кредит в 70 миллионов песо, о котором упоминалось выше.

Финансовое положение мексиканского правительства после провала переговоров в США и отказа Берлина от планов собственной дипмиссии в Мехико стало угрожающим. Карранса решил попробовать мобилизовать внутренние ресурсы страны. Он поручил генералу Пабло Гонсалесу срочно захватить штат Морелос – крупнейший в Мексике производитель сахара, который можно было продавать на внешнем рынке. Одновременно войска двух лучших генералов правительственной армии Дьегеса и Мургуи должны были ударить в направлении нефтяного района Тампико, чтобы разбить Пелаеса и установить реальный контроль центральных властей над важнейшим районом нефтедобычи. Наконец, президент обратился с просьбой о помощи к Великобритании, обещав англичанам не трогать их нефтяную компанию «Агилла» (в свое время ее организовали при личном участии диктатора Диаса, что давало Каррансе законное право ее национализировать).

Но все описанные выше меры еще предстояло реализовать, причем исход боев в Морелосе и Тампико был отнюдь не предрешен заранее. А деньги Каррансе требовались срочно. В армии началось недовольство задержкой выплаты жалованья, что использовали в своих интересах многочисленные местные «генералы» и «полковники», стремившиеся переключить гнев своих солдат на центральное правительство.

17-25 ноября 1917 года Карранса провел в Мехико национальный съезд мексиканских промышленников.²¹ Но те не стали делиться с правительством деньгами, а, наоборот, выступили против новой конституции и любого вмешательства государства в деятельность своих предприятий.

Видимо, такая позиция объяснялась в числе прочего и явными неудачами правительственных сил в районе Тампико. Там Каррансу настигли собственные интриги, которые он, как уже упоминалось, разжигал среди своих генералов. Когда Дьегес выступил на Тампико, Мургуя не стал присоединяться к нему, сославшись на возросшую активность отрядов Вильи в Чиуауа. Гонсалес, несмотря на зверства его войск в Морелосе, пока смог захватить лишь треть крошечного штата. У англичан удалось занять наличными 3 миллиона долларов, но этого было явно недостаточно.

1 января 1918 года сторонники Обрегона в формально правящей Либерально-конституционалистской партии впервые выступили с открытой критикой Каррансы из-за вмешательства последнего в выборы губернаторов штатов. Фактически это означало, что Обрегон начал избирательную кампанию, хотя выборы президента должны были пройти в 1920 году. 12 января 1918 года, сославшись на активность отрядов Вильи вдоль границы, США опять направили войска в Мексику, хотя и на короткий срок. Спустя два дня был рас-

²¹ Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 181.

крыт военный заговор против правительства, причем не где-нибудь, а в гарнизонах Мехико и Веракруса – ключевых городах страны.

Чтобы подавить внутреннее недовольство в стране, уставшей ждать социально-экономических преобразований, Карранса решил сыграть на патриотических чувствах мексиканцев. В феврале 1918 года он объявил о вышеупомянутых мерах против иностранных (в конкретных условиях – американских) нефтяных компаний. Карранса угрожал приостановить силой операции всех компаний, которые до 20 мая 1918 года не зарегистрируют у мексиканского правительства свои права на добычу.

Декрет Каррансы приветствовали в Берлине. Германская армия готовилась к решающему наступлению на западном фронте, и любые конфликты между Мексикой и США могли иметь решающее значение для успеха броска немцев на Париж. Из Берлина пришло сообщение об одобрении кредита Мексике, хотя и на весьма скромную сумму: 5 миллионов песо. Деньги планировалось выплатить со счетов в нейтральной Испании.

Американские нефтепромышленники ответили организацией нового заговора против Каррансы. На сей раз президентом хотели сделать бывшего соратника «дона Венуса» Альфредо Роблеса Домингеса. 2 апреля 1918 года государственный департамент США заявил, что новый декрет Каррансы может заставить правительство США принять меры по за-

щите собственности своих граждан в Мексике. В воздухе явно запахло большой американско-мексиканской войной.

Карранса срочно направил своего представителя на переговоры с немцами в Мадрид. Тогда казалось, что германские войска вот-вот возьмут Париж. Но пока Каррансе пришлось продлить срок ультиматума американским нефтяным компаниям, который истекал 20 мая. 15 июля 1918 года немцы возобновили наступление, и 31 июля Карранса продлил срок ультиматума еще на две недели. Он ожидал, что за это время германская армия возьмет французскую столицу и войскам США во Франции будет нанесено сокрушительное поражение.

Однако 8 августа 1918 года (этот день германские генералы называли «черным днем») Антанта перешла в решительное контрнаступление, причем в значительной мере именно силами свежей американской армии. Немецкий фронт стал разваливаться. Поражение Германии стало очевидным для всего мира. Каррансе пришлось дать задний ход. 14 августа он фактически отменил ключевое положение своего собственного декрета о перерегистрации прав и поручил министру промышленности и торговли Пани начать с американскими нефтепромышленниками переговоры о выработке взаимоприемлемого варианта конкретного применения статьи 27 конституции.

За все время президентства Каррансы не было ни одного дня, когда бы в стране не происходили вооруженные столк-

новения повстанцев с правительственными войсками. Политические программы мятежников были самыми разными, но большинство справедливо упрекали Каррансу в предательстве идеалов революции. Тем более что «дон Венус» сам провозгласил: «Я не был революционером, не являюсь революционером и никогда не буду революционером».

Наиболее революционным массовым движением в Мексике к началу 1917 года оставалась Освободительная армия Юга во главе с Эмилиано Сапатай. Весь 1916 год примерно 5 тысяч сапатистов вели в своем родном Морелосе небывалую по ожесточенности войну с примерно 30 тысячами солдат правительственной армии во главе с Пабло Гонсалесом.²² Мы уже говорили, что репрессии Гонсалеса, считавшего всех жителей Морелоса «кровожадными сатирами и преступниками», против мирного населения превзошли даже ужасы времен Уэрты и Диаса. В ноябре 1916 года Гонсалес издал приказ о расстреле без суда любого, на кого падало хоть малейшее подозрение в связях с сапатистами. Например, поводом для расстрела могло быть появление у железной дороги без уважительной причины. Армия Гонсалеса вела себя в Морелосе как на оккупированной территории. Массовые грабежи затрагивали не только жителей деревень. Прежде упоминалось и об англичанке из Куэрнаваки, не сумевшей отнять у офицеров ванну, украденную из принадлежавшего ей отеля, и об огромном черном рынке в мексиканской сто-

²² Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 253.

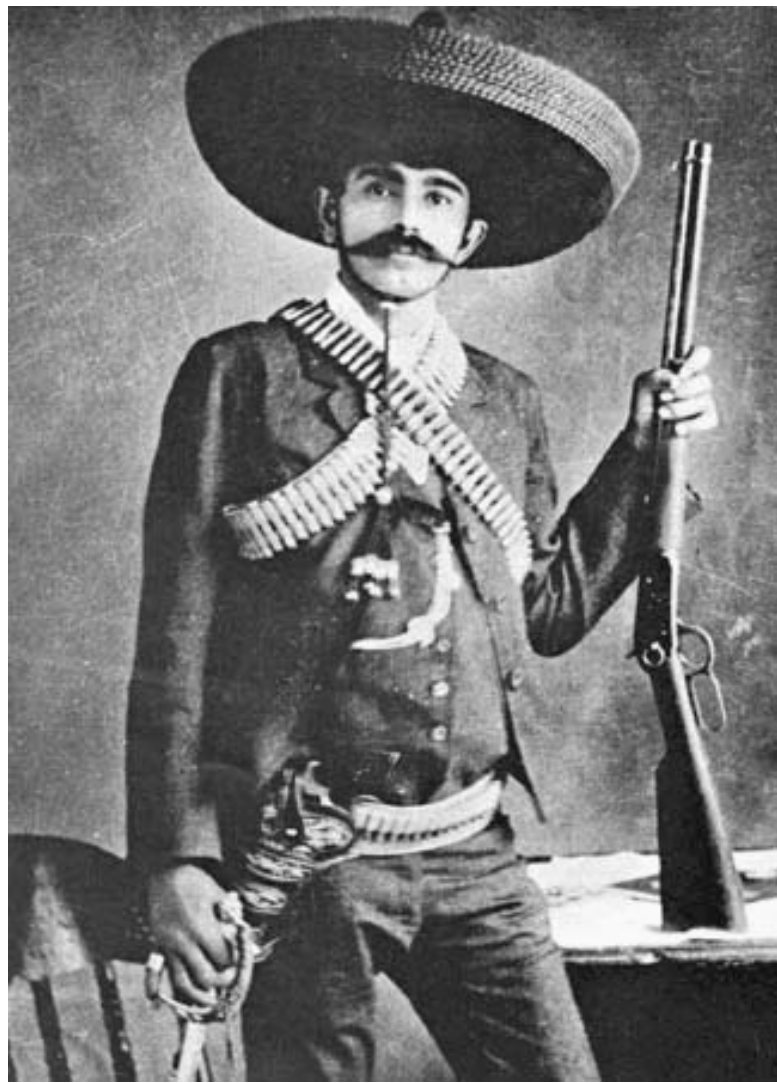
лице, на котором доблестные воины Гонсалеса сбывали награбленное добро. Сам Гонсалес быстро превратился в самого богатого генерала республики, что впоследствии и поставило крест на его политической карьере.

Неудивительно, что жители Морелоса видели в бойцах конституционалистов оккупантов, тем более что уроженцев штата в них практически не было. Гонсалесу не удалось даже провести в штате выборы в конституционный Конвент. «Делегатами» стали офицеры оккупационной армии. Сапата, наоборот, внимательно следил за тем, чтобы его бойцы не допускали по отношению к мирному населению никакого произвола. Ставка Освободительной армии издавала приказы о расстреле мародеров на месте.

К концу 1916 года Гонсалес был вынужден признать свое поражение. Измученные боями и малярией (большинство солдат были северянами и страдали от непривычного для них влажного климата) войска конституционалистов в декабре 1916 года стали покидать города и селения Морелоса. В январе 1917 года Освободительная армия Юга вступила в столицу штата Куэрнаваку. Победа, правда, омрачалась тем, что правительственные войска отступили в полном порядке. Бойцам не удалось захватить трофеи в виде оружия и боеприпасов, а именно их недостаток и был главной бедой Сапаты. Его армия не контролировала ни одного порта, а до границы с США, откуда в основном и поступало в Мексику контрабандное оружие, простирались тысячи километров.

Однако в январе 1917 года в ставке Сапаты царил эйфория. Там помнили, что после отступления из Морелоса войск Уэрты быстро пал и сам режим генерала-диктатора. Сапата полагал, что и дни Каррансы сочтены. Один из наиболее видных помощников крестьянского лидера Сото-и-Гама уже составил программу неотложных социально-экономических реформ, которые сапатисты намеревались провести после захвата Мехико.

Но надежды Освободительной армии оказались напрасными. Гонсалес не собирался сдаваться. Правительственные войска прикрыли перевалы, ведущие из Морелоса в долину Мехико, и постоянно тревожили партизан боями местного значения. Сапата не мог распустить свою армию на отдых, а содержать несколько тысяч человек в дотла разоренном Морелосе стало практически невозможно. Из многих деревень штата исчезли не только свиньи и коровы, но даже куры. Многие деревни были сожжены, и беженцы наводнили уцелевшие населенные пункты. На почве голода и лишений процветали преступность и бандитизм. Не будет преувеличением сказать, что ни одна мексиканская территория не пострадала так в ходе революции, как Морелос.

Брат Эмилиано Сапаты Эуфемيو

Но самым страшным испытанием для Сапаты оказалось принятие 31 января 1917 года новой Конституции Мексики. В ней, как уже упоминалось, было зафиксировано право крестьянских общин на возврат земель, несправедливо отнятых у них во времена диктатуры Порфирио Диаса. У многих партизан Морелоса возник справедливый вопрос: зачем продолжать борьбу, когда основная цель Освободительной армии Юга закреплена в Конституции страны? Конституционалисты всячески поощряли наметившийся идеологический разлад среди партизан. Некоторым сапатистским командирам было предложено перейти со своими отрядами в ряды регулярной армии, причем офицерам оставляли их воинские звания, а солдатам-крестьянам – выделенные им по указам Сапаты земельные участки. И некоторые генералы Сапаты пошли на компромисс.

В свою очередь, это обострило обстановку в штаб-квартире Освободительной армии в Тлалтисапане. Сапата все время опасался предательства. Его характер стал мрачным, а вспышки гнева – более частыми. Возможно, сыграло свою роль и убийство офицерами сапатистской армии, перешедшими на сторону правительственных войск, родного брата вождя – Эуфемии. Сапата хотел снова придать бойцам уверенность, проведя успешную операцию по захвату ключевого железнодорожного узла – Пуэблы. Ходили слухи, что

тамошний гарнизон ненадежен и после короткого боя оставит город. Однако сапатистам так и не удалось накопить для примерно пятичасового сражения достаточно боеприпасов, в основном приобретаемых на черном рынке Мехико у солдат Гонсалеса, и захват Пуэблы пришлось отменить.

Сапата отдал все силы реорганизации системы управления в Морелосе. Была введена широкая выборность всех должностей в деревнях. По образцу древних Афин Сапата стремился, чтобы каждый житель Морелоса занял хотя бы раз в жизни выборную должность. Несмотря на недостаток средств, открывались школы, причем и вечерние для взрослых, что было новым явлением для Мексики. Сапата по-прежнему внимательно следил за тем, чтобы его командиры платили за все припасы, получаемые у селян, и не допускали самовольных реквизиций.

Сапата был единственным вождем мексиканской революции, развернувшим планомерную политическую пропаганду на своей территории. Сото-и-Гама организовал в ноябре 1916 года консультативный центр революционной пропаганды, который проводил лекции и беседы в деревнях, разъясняя цели революции. Многие крестьяне впервые в жизни видели образованных людей из города, которые беседовали с ними на равных.

И все же пропаганда не могла заменить уставшим от многолетней войны людям скромного комфорта повседневной материальной жизни. Поэтому Сапата, всегда чутко следив-

ший за настроениями широких масс, резко изменил свою политическую линию именно в 1917 году Несмотря на кажущуюся полную победу в Морелосе, партизанский командир прекрасно понимал, что в случае очередного наступления Гонсалеса Освободительной армии опять придется перейти к партизанской войне, а этого жители разоренного штата могут уже просто не выдержать. Поэтому Сапата отодвинул на задний план своего основного советника Палафокса, славившегося непримиримостью и некоторым снобизмом по отношению к другим революционным группировкам Мексики. Именно неуступчивость Палафокса помешала Сапате в 1915 году более тесно скоординировать боевые действия с Вильей, что и привело к поражению обоих народных вождей.

Теперь главным советником Сапаты стал Хильдардо Маганья. Родом он был из самого консервативного и католического штата Мексики – Мичоакана.²³ Этот штат поддерживал во время войны Хуареса с французскими интервентами именно французов. Лучшей карьерой для мичоаканца считалась стезя католического священника. Однако отец Маганьи, торговец, был упрямым либералом и в таком же духе воспитывал своих сыновей. Хильдардо Маганья перебрался в Мехико, откуда после неудачного восстания против Диаса, в котором он принял участие, бежал к Сапате. В отличие от Палафокса, он слыл мастером компромисса. Именно ему и поручил Сапата установить контакты со всеми оппо-

²³ Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 288.

зиционными Каррансе силами, включая и генералов правительственных войск. Целью борьбы Освободительная армия провозглашала теперь только отставку Каррансы как предателя революции и ради этой цели была готова сотрудничать с любыми политическими силами в стране. Бесспорно, основная ставка делалась на мятеж ключевых генералов правительственной армии против «дона Венуса». К этому мятежу могли бы присоединиться сапатисты, чтобы наконец закончить свою многолетнюю борьбу.

Хильдардо Маганья

Как только Обрегон покинул в мае 1917 года пост военного министра, Сапата велел опубликовать «Здравицу в честь Альваро Обрегона». В августе Сапата возобновил контакты с Вильей, рассчитывая, хотя и безосновательно, на связи последнего с американцами. От Сапаты, очень внимательно следившего за международной обстановкой, не укры-

лось то обстоятельство, что Вашингтон постоянно подозревал Каррансу (как указывалось выше, небеспочвенно) в связях с Германией. На этом фоне Сапата стремился получить от США признание в качестве воюющей стороны и подчеркивал свои антигерманские настроения.

1 сентября 1917 года Сапата опубликовал манифест к нации. В качестве цели продолжения революционной борьбы манифест определял свержение «предателя Каррансы», который возвращает поместья латифундистам, причем даже таким одиозным, как Террасас в Чиуауа.

Карранса ответил новым наступлением на Морелос, начавшимся глубокой осенью 1917 года, то есть в сухой сезон. Правительственные войска с помощью перешедших к ним ранее командиров Освободительной армии Юга со всех сторон двинулись на Морелос. Восточная часть штата (примерно треть территории) была быстро оккупирована, правительственные силы широко применяли артиллерию для обстрела городов. Столичные газеты предвкушали захват сахарных заводов Морелоса, что должно было резко улучшить финансовую ситуацию правительства.

Однако вскоре наступление заглохло. Некоторые генералы просто не стали принимать участие в скоординированном броске на Морелос. Перешедшие формально на сторону Каррансы офицеры Сапаты вовсе не желали воевать против своего бывшего командира, которого искренне уважали. Они хотели только одного – чтобы их оставили в покое и да-

ли возможность обрабатывать полученную (кстати, по указам Сапаты) землю.

А Маганья между тем продолжал свою секретную дипломатию. В декабре 1917 года он установил контакт с депутатом Конгресса Альфредо Роблесом Домингесом. Этот человек уже упоминался на страницах книги – именно его американские нефтепромышленники рассматривали как будущего президента в случае свержения Каррансы. Домингес был частым гостем в британском и американском посольствах в Мехико. О связях его с владельцами нефтяных компаний Маганья, вероятно, не знал.

В феврале 1918 года он решился на беспрецедентный шаг – через генерала правительственных войск передал условия перемирия непосредственно Каррансе. Манганья предлагал президенту вывести правительственные войска из Морелоса, признать Освободительную армию Юга хозяином Морелоса и санкционировать произведенный Сапатой раздел латифундий. В обмен сапатисты были готовы прекратить вооруженную борьбу и признать правительство Каррансы. Однако разоружаться Освободительная армия не собиралась.

Карранса был от природы не склонен к компромиссам, с Сапатой же он исключал любое соглашение в принципе. Ведь многие другие повстанцы в Мексике боролись только за возможность разбогатеть. Достаточно было наречь очередного мятежника «генералом», а его людей – «офицерами»,

и борьба прекращалась. Бывший «революционный вождь» превращался в официального командира на отныне подведомственной ему территории и занимался узаконенным racketом, обкладывая различными «налогами» местных крестьян и предпринимателей. Сапата был единственным вождем с широкой революционной программой («план Айялы») и абсолютно не интересовался должностями и богатством. Такой человек, по мнению Каррансы, был перманентной угрозой частной собственности и подлежал уничтожению. Неудивительно, что на предложение Маганьи ответа не последовало.

24 марта 1918 года Сапата издал приказ о зачислении пленных солдат и офицеров правительственных войск в ряды Освободительной армии Юга в случае их согласия. Это был важный шаг – ненависть к конституционалистам в Морелосе была столь горячей, что пленных, как правило, расстреливали, тем более что партизаны просто не имели возможности их прокормить. Такая тактика, в свою очередь, вела к упорному сопротивлению правительственных войск. Теперь все менялось – Сапата как бы подчеркивал, что против рядовых солдат и офицеров правительственной армии ничего не имеет, считая и их революционерами. Единственным препятствием к формальному объединению является только один человек – Карранса.

Сапата установил контакт практически со всеми повстанцами, которые под разными лозунгами боролись с Карран-

сой в различных штатах. Даже генерал Пелаес, сражавшийся в районе Тампико, был признан Сапатою «истинным революционером». Прямой связи с Феликсом Диасом Сапата, будучи принципиальным политиком, конечно, установить не мог, но со многими «генералами» Диаса контакты поддерживались.

25 апреля 1918 года ставка Сапата обратилась с новым манифестом к мек сиканскому народу. В нем сознательно почти ничего не говорилось о радикальной аграрной программе сапатистов. Подчеркивались лишь те цели, вокруг которых могут объединиться практически все антиправительственные силы, а именно: выборность всех должностей и борьба с диктатурой Каррансы. После свержения «дона Венуса» предлагалось созвать съезд всех видных вождей революции, включая и генералов правительственных войск, для определения политического будущего страны.

На состоявшихся в июле 1918 года выборах в Конгресс потерпела поражение Либерально-конституционалистская партия, поддерживавшая Обрегону. Как всегда, выборы сопровождались запугиванием неудобных кандидатов и прямой подтасовкой результатов голосования. Сапата обратился с посланием к Обрегону, призывая его выступить против Каррансы с оружием в руках. Ответа не последовало.

Между тем на севере Мексики продолжал бороться против правительственных войск другой народный вождь – Панчо Вилья. В конце 1915 года, вынужденный распустить свою

регулярную армию и перейти к партизанской войне, он создал солидные запасы оружия и боеприпасов. Большая часть солдат разошлась по домам, однако в случае необходимости Вилья мог быстро набрать несколько тысяч кавалеристов и провести молниеносную операцию по захвату практически любого крупного города в своем штате Чиуауа. Опытный командир и политик, Вилья всего лишь ждал перелома политической ситуации – момента, когда населению штата надоест терпеть бесчинства правительственных войск.

Те занимались всяческими реквизициями и поборами – например, за пользование железными дорогами. Процветала контрабанда продовольствия из США в голодающий Чиуауа. Если в приграничном американском городе Эль-Пасо можно было приобрести сливочное масло по 8 долларов 50 центов за килограмм, то в Сьюдад-Чиуауа оно продавалось уже по 17.50. Во многих городах пропало мясо – и это в штате, который до революции был основным животноводческим районом Мексики. Население Чиуауа с ностальгией вспоминало, как Вилья во время своего господства в штате в 1914–1915 годах продавал беднякам по бросовым ценам мясо с реквизированных латифундий.

Однако даже недовольство режимом Каррансы уже не могло заставить местных жителей вступать в партизанские отряды. Во-первых, люди устали от многолетней войны. Во-вторых, правительственные войска не брали в плен вильи-стов, а часто расстреливали заодно и их родственников муж-

ского пола. Но самой главной причиной отсутствия наплыва добровольцев была та же, с которой столкнулась Освободительная армия Юга. Когда в начале 1917 года американская карательная экспедиция Першинга покинула Чиуауа, перед Вильей встал тот же вопрос, что и перед Сапато: за что бороться? Ведь до этого Вилья в прокламациях бичевал Каррансу как марионетку проклятых гринго, свидетельством чему были американские интервенты на мексиканской земле. Теперь положение коренным образом изменилось.

Карранса бросил против Вильи своего лучшего генерала Мургуя (даже Вилья уважал его военный талант). Мургуя приобрел в Чиуауа малопочетное прозвище Вешатель. Если раньше пленных вильистов расстреливали в укромных местах, чтобы лишний раз не возбуждать население, то теперь их вешали на виду у всех, чтобы это самое население утратить.

Тактика Вильи была абсолютно другой, чем у Сапаты. Сапатисты действовали небольшими отрядами, соединяясь только для крупных операций, вроде штурма какого-либо крупного населенного пункта. Преимуществом Освободительной армии Юга был горный рельеф Морелоса: федеральные войска не могли использовать конницу и артиллерию. К тому же в Морелос вела практически одна железная дорога, которую можно было легко вывести из строя.

Напротив, Вилья действовал на степных равнинных просторах Чиуауа, применяя в основном тактику массирован-

ных кавалерийских рейдов. Вильисты быстро захватывали какой-либо город, пополняли запасы провизии и боеприпасов за счет правительственных войск и исчезали в степи. Как и раньше, Вилья использовал для быстрой переброски войск железные дороги. После рейда отряды расходились, и с Вильей оставались лишь его гвардейцы – «дорадос». Вилья обычно расстреливал только офицеров, а солдат отпускал по домам. Правда, те, как правило, опять присоединялись к правительственным войскам, потому что для многих солдат служба в армии была единственной профессией. Как уже упоминалось, некоторые командиры Вильи отрезали пленным ухо и при повторном захвате в плен сразу расстреливали «меченых».

В ноябре 1916 года несколько тысяч вильистов захватили столицу Чиуауа.²⁴ Поводом для налета было освобождение пленных, в том числе бывшего генерала войск Паскуаля Ороско Инеса Салазара. Вилья раньше был непримиримым врагом ороскистов и даже не брал их в плен. Но теперь, как и Сапата, он стремился объединить под своим руководством все антиправительственные силы.

Мы помним, что предыдущее нападение Вильи на Сьюдад-Чиуауа за два месяца до этого, в ночь перед Днем независимости объяснялось той же самой причиной. В сентябре генерал Салазар был освобожден в первый раз. Но, бу-

²⁴ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 601.

дучи человеком чести, он счел, что не имеет права спастись бегством, когда его сторонников расстреливают как уголовников. Салазар отказался присоединиться к Вилье и добровольно вернулся в тюрьму, чтобы защищать себя и своих людей на суде. Однако к ноябрю его надежды на справедливый суд уже растаяли, и на второе предложение Вильи он ответил согласием.

В Чиуауа вильисты вели себя образцово. Вилья заверил местных коммерсантов, что будет уважать их интересы, и добавил, что это относится и к иностранцам, за исключением китайцев и американцев, которых он называл «белыми китайцами». Мы уже упоминали о почти анекдотической антипатии Вильи к якобы пытавшимся отравить его китайцам, но ненависть к этому народу вообще была широко распространена в Мексике. Единственные иностранцы, сильно отличавшиеся внешним видом от местных жителей, они к тому же занимались в основном торговлей, и мексиканские бедняки зачастую обвиняли именно их в высоких ценах на продукты. Примерно так же, как китайцев, ненавидели только сирийских торговцев, которых именовали «арабами». Вот и в Сьюдад-Чиуауа американцам удалось спрятаться, а китайцев вильисты безжалостно истребляли. Одновременно Вилья, как обычно, наложил на предпринимателей «налог», чем занимались и правительственные войска, и закрыл все бары и салуны, чтобы поддерживать в войсках сухой закон. Когда немецкий консул попытался протестовать против «налога»,

Вилья ответил, что примет протест только от самого кайзера.

С юга к Чиуауа приближались на поездах войска генерала Мургуи, превосходившие вильистов по численности примерно в два раза. Самым мудрым решением в этих условиях было бы отступление, но Вилья не хотел создавать впечатление, что его отряды ведут исключительно рейдовую партизанскую войну. Он решил бросить навстречу Мургуе около трех тысяч бойцов во главе с освобожденным из плена Салазаром. Последний выдвинул своих кавалеристов против примерно 8–10 тысяч солдат правительственных войск недалеко от Сьюдад-Чиуауа, в местечке Оркасита. Атаки были отбиты, но Салазар выиграл время для упорядоченного отхода основных сил Вильи из столицы штата, да и его войска отошли с поля боя в полном порядке и с относительно небольшими потерями. Характерно, что пока шел бой, Салазар предложил своим офицерам попить кофе на ближайшем вокзале.

И все же Вилья был в бешенстве, когда практически на его глазах Мургуя занял Сьюдад-Чиуауа. Показателен эпизод, случившийся в небольшом городке Камарго, который вильисты заняли при отступлении из столицы штата. К Вилье подошла женщина и со слезами на глазах стала умолять пощадить ее мужа – простого бухгалтера федеральной армии. Вилья ответил, что этот человек уже расстрелян. Несчастная осыпала Вилью проклятиями. Он, выйдя из себя, застрелил ее, а затем, поддавшись уговорам своих соратников, прика-

зал убить всех родственников солдат гарнизона Камарго, опасаясь, что те наведут каррансистов на след его отряда. Были расстреляны около 90 женщин.

Это произвело крайне неприятное впечатление на бойцов-вильистов и, естественно, на местных жителей. Ведь все время гражданской войны противоборствующие армии по-рыцарски относились и к женщинам, и к детям. Здесь же очевидцы наблюдали ужасную картину: двухлетний ребенок мазал себя кровью матери, играя на ее трупе.²⁵

Такие, в целом не свойственные ранее Вилье зверства свидетельствовали об отчаянии народного вождя. Он еще мог выигрывать отдельные бои, но понимал, что не в состоянии выиграть войну. И все же еще надеялся на магическую силу своего имени. Одна яркая победа – и он снова соберет под свои знамена несколько тысяч бойцов и неудержимо двинется на Мехико. Вилья решил повторить свой успех времен войны с Уэртой. Он двинулся от Сьюдад-Чиуауа на юг, чтобы захватить Торреон. Когда-то именно блестящая победа над федеральной армией Уэрты у стен этого города в одно мгновение превратила Вилью в ключевого политического игрока национального масштаба.

Торреон открывал путь в центральные районы страны, и этот ключевой железнодорожный узел обороняли всего около двух тысяч солдат. Обрегон требовал, чтобы Мургуя

²⁵ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 628.

немедленно выступил со всеми силами на помощь защитникам Торреона. Но тот отказался, сказав, что ему непременно надо подавить «очаги бандитизма» в западном Чиуауа. («Бандитом» Вилью именовали вполне официально, отрицая тем самым политический характер его движения.) Все, на что пошел Мургуя, – выставил кавалерийский заслон между Сьюдад-Чиуауа и Торреоном. Этот заслон должен был перехватить разбитые у Торреона отряды Вильи. Обрегон, в то время еще военный министр, настаивал на своем, но Мургуя был непреклонен. Видимо, он не хотел делить ни с кем славу победителя неуловимого Вильи.

22 декабря 1916 года Вилья штурмом захватил Торреон, причем правительственные войска при отступлении бросили артиллерию и даже собственный эшелон. Командующий федеральными силами генерал Таламантес покончил жизнь самоубийством.²⁶ Британский консул в Торреоне сообщал, что особого кровопролития при взятии города не наблюдалось. Вилья явился с охраной в дом французского консула и потребовал выдать ему 350 тысяч песо, которые, по его данным, консул спрятал для федеральных войск.²⁷ Сын консула спокойно ответил, что Вилья может его расстрелять, если найдет деньги. Пораженный таким мужеством, тот посо-

²⁶ Machado M. Centaur of the North. Fransisco Villa, the Mexican Revolution and Northern Mexico. Austin, 1988. P. 153.

²⁷ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 630.

ветовал сыну консула выбросить пистолет – он, Вилья, лично позаботится, чтобы ни один волос не упал с его головы. Правда, это не помешало благодарному отцу в донесении в МИД Франции назвать Вилью «шакалом».

Захват Торреона на этот раз не принес Вилье желанного перелома в войне. Напротив, он опять, как и в 1915 году, уверовал в собственный военный гений и вознамерился дать решительный бой основным правительственным силам, которые во главе с Мургуей медленно продвигались к Торреону с севера. Казалось, что такая задача вильистам по плечу. В Торреоне силы Вильи серьезно выросли, как всегда после успешной операции (хотя несколько сотен «добровольцев», похоже, мобилизовали принудительно). Теперь Мургуя, отрядивший около трех тысяч бойцов на запад Чиуауа, не имел численного преимущества над Вильей. К тому же у того была и артиллерия.

Две армии сошлись у местечка Эстасьон Реформа, недалеко от города Хименес. Тщетно один из самых талантливых и жестоких военачальников Вильи Урибе предлагал под покровом ночи перебросить тысячу всадников для неожиданного удара в тыл Мургуе. Вилья полагал, что достаточно провести его знаменитую массированную кавалерийскую атаку – и враг побежит. Самоуверенность Вильи довела его до того, что он отправил отряд в две тысячи человек для выполнения другого задания.

Атака была отбита ветеранами Мургуи, а контратака пра-

вительственных войск привела к бегству вильистов, у которых отсутствовали резервы. Вилья отошел в город Парраль, где стояли эшелоны с добычей, захваченной в Торреоне. Понимая, что Парраль ему не удержать, партизанский командир разрешил жителям брать все, что те захотят. Неудивительно, что еще долго после этих событий популярность Вильи в Паррале была очень высокой.

Это поражение оказалось еще не самым страшным ударом. Посланный в западные районы Чиуауа командир Мургуи смог с помощью предателя обнаружить склады с оружием и боеприпасами, которые Вилья создал еще в 1915 году. Того, что он накопил на этих складах, хватило бы для оснащения многотысячной армии. От отчаяния Вилья решил снова атаковать главные силы Мургуи. Теперь самоуверенность подвела уже командующего правительственными силами. Мургуя, думая, что Вилья разбит окончательно, даже не выставил охраны, и нападение вильистов, словно восставших из пепла, стало для него полной неожиданностью. Каррансисты потеряли около 2500 человек, примерно 600 из которых были взяты в плен и расстреляны. Самому Мургуе едва удалось спастись – его несколько раз плашмя достал палашом гнавшийся за ним вильист. Но конь у генерала оказался резвее, чем у преследователя.

Расстрел пленных Вилья аргументировал тем, что если раньше он проявлял гуманность, отпущенные каррансисты опять оказывались в рядах его противников. На этот раз он

приказал своим «дорадос» расстреливать пленных федералов в голову одной пулей на пять человек – ради экономии боеприпасов.

Справедливости ради следует отметить, что и Мургуя отнюдь не отличался гуманизмом. Одному из захваченных в плен генералов Вильи он разрешил из уважения к его чину самому выбрать дерево, на котором его повесят.

Американские интервенты в местечке Намикипа

1 апреля 1917 года Вилья вновь напал на Сьюдад-Чиуа-

уа, намереваясь окончательно разбить Мургуя. Он приказал развести бивуачные костры на южной окраине города, а сам атаковал столицу штата с севера. Но Мургуя на уловку не поддался, и атака была отбита с большими потерями для нападавших. 200 вильистов были захвачены в плен и повешены.²⁸

В ответ на это Вилья опять совершил ужасный поступок. Его отряд занял городок Намикипа. Как упоминалось выше, здешние жители в свое время весьма неплохо ладили с американской армией Першинга и при поддержке интервентов даже создали отряд местной самообороны. Именно бойцам этого отряда, «прихвостням проклятых гринго», и решил отомстить Вилья. Однако когда его бойцы ворвались в Намикипу, все мужчины, способные носить оружие, укрылись в близлежащих горах. Разъяренный Вилья отдал своим солдатам приказ изнасиловать всех жен бежавших.²⁹ Такого в гражданской войне еще не бывало. Поведение вождя возмутило даже некоторых командиров вильистов, спрятавших нескольких женщин от расправы.

Естественно, события в Намикипе нанесли популярности Вильи в Чиуауа невосполнимый урон. А правительственные силы тем временем приступили к созданию отрядов самообороны (их называли «социальной обороной») во всех

²⁸ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 634.

²⁹ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 634.

населенных пунктах штата. В эти отряды записывались не только богатые: всем надоели постоянные войны и нападения вооруженных людей, иные из которых были обычными уголовниками. Отряды самообороны, как правило, вообще не пускали в свои города и села вооруженные группы, даже частям правительственных войск иногда разрешали войти лишь после того, как те сложат оружие. Но настоящим бедствием «социальная оборона» стала именно для Вильи. Мало того, что его бойцы лишились мест, где могли отдохнуть и накормить лошадей, – отряды самообороны незамедлительно оповещали каррансистов и передвижениях Вильи. Таким образом, он терял самое главное преимущество партизанской войны – внезапность.

После провала штурма Сюодад-Чиуауа Вилья уже не обращался к населению с прокламациями о целях своей борьбы. Как и Сапата, он надеялся только на внутренний разлад в стане Каррансы. Правда, основной противовес Каррансе, Обрегон, был настроен по отношению к Вилье, пожалуй, еще непримиримее, чем «дон Венус». Ведь именно в битве с Вильей Обрегон потерял правую руку и едва не покончил жизнь самоубийством от нестерпимой боли. Вилья лишь попытался поучаствовать в переписке двух каррансистских генералов – Тревиньо и Мургуи, которые публично в газетах обвиняли друг друга в трусости во время последних сражений с Вильей, что весьма красноречиво характеризовало моральное состояние правительственных войск. В американской га-

зете «Эль Эральдо дель Норте» появился комментарий Вильи, в котором он не без бравады перечислял свои успехи в битвах против обоих генералов. В частности, он утверждал, что только Мургуя потерял в боях с вильистами с 1 декабря 1916-го по 23 апреля 1917 года 4449 человек.³⁰

Несмотря на газетную браваду, Вилья, будучи прагматиком, понимал, что его успехи местного значения не представляют никакой угрозы для режима Каррансы. Поэтому летом 1917 года он решился на отчаянный шаг – направился в столицу с отрядом примерно в тысячу человек, выдавая его за подразделение правительственных войск. До Вильи дошли сведения, что каждый день Карранса в сопровождении небольшой свиты совершает конную прогулку в столичном парке Чапультепек, и он захотел неожиданно напасть на президента и доставить его на контролируемую сапатистами территорию для «народного суда».³¹ Вилья рассчитывал, что после этого правящий режим погрязнет в междоусобице и можно будет снова диктовать свои условия при выработке правил политического урегулирования в постреволюционной стране.

Однако едва отряд Вильи покинул пределы родного Чиуауа, как натолкнулся на открытую враждебность обывателей

³⁰ Katz F., *The Life and Times of Pancho Villa*. Stanford University Press, 1998. P. 638.

³¹ McLynn F. *Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution*. New York, 2000. P. 373.

в большинстве городов и селений. Подходя к той или иной деревне, вильисты видели на крышах домов вооруженных и готовых к отпору людей. В одном месте пришлось расстрелять 27 бойцов самообороны, чтобы те не выдали отряд. В районе города Агуаскальентес вильисты окончательно сбились с пути и повернули обратно. Попытка скрытно пройти тысячи километров по занятой противником и недоверчивыми селянами территории оказалась чистой утопией.

В августе 1917 года Вилья обратился с письмом к Мургуе, призывая его восстать против «продавшегося гринго Каррансы». В письме вместо бравады звучали уже нотки обреченности и отчаяния: «...возможно, Вы и убьете меня». Есть данные, что одновременно с письмом Вилья выразил желание сложить оружие, если ему будет гарантирована жизнь. Но Мургуя не ответил на обращение: он считал Вилью опасным преступником, подлежащим уничтожению. Похоже, Вилья был близок к отчаянию. Ведь он даже не мог по примеру других противников Каррансы перейти американскую границу и отправиться в эмиграцию: после налета на Колумбус в США его ждала верная смерть.

В конце 1917 года маленький отряд Вильи мог только скрываться от преследования, совершая набеги на небольшие гарнизоны. Благодаря «налогам», в том числе и на американские железнодорожные компании,³² Вилья мог платить

³² McLynn F. Villa and Zapata. A history of the Mexican Revolution. New York, 2000. P. 374.

своим бойцам не обесценившимися бумажными деньгами, а серебром. Это обеспечивало хотя бы какой-то приток добровольцев. От полного забвения Вилью спас сам Карранса. Во-первых, он убрал из штата Мургуу, опасаясь, что военная слава генерала сделает из него претендента на президентское кресло. Во-вторых, решил приступить к возврату земельной собственности крупнейшим помещичьим кланам Чиуауа. Основной причиной такой реставраторской линии, помимо нерушимого уважения к частной собственности, было то, что многие конфискованные асиенды управлявшие ими генералы довели до полного разорения. А ведь раньше Чиуауа был крупнейшим экспортером скота в США. Теперь, после разгрома Вильи, как считал Карранса, пришло время вернуть крупные скотоводческие поместья их законным владельцам, чтобы восстановить экспортный потенциал Мексики.

Почувствовав перемену политических настроений в Мехико, к Каррансе с просьбой о реституции своих гигантских латифундий в Чиуауа обратился крупнейший землевладелец Мексики Луис Террасас. Поместья Террасаса были конфискованы еще во времена президентства Мадеро, так как он активно поддерживал и диктатуру Диаса, и антиправительственный мятеж Ороско в 1912 году. Субсидировал Террасас и федеральную армию узурпатора Уэрты. Однако теперь былой хозяин Чиуауа уверял Каррансу, что всегда был обычным бизнесменом, а деньги с него Ороско и Уэрта брали по-

мимо его воли.

Карранса направил петицию Террасаса губернатору Чиуауа Андресу Ортису, который без труда привел президенту доказательства контрреволюционной деятельности многих членов разветвленного клана Террасасов³³. К тому же Ортис припомнил, что Террасас, как, впрочем, и все помещики, включая самого Каррансу, занижал стоимость своих земель, чтобы не платить государству налоги. Карранса, однако, не принял во внимание доводы губернатора и в начале 1919 года постановил вернуть главе клана Луису Террасасу всю собственность, за исключением земли (Террасасы владели банками, торговыми и промышленными предприятиями).

Но даже бескомпромиссный в вопросах защиты частной собственности «дон Венус» не решился опубликовать свое решение насчет Террасаса (забегая вперед, заметим, что оно так и не было проведено в жизнь при Каррансе). Это вызвало бы скандал, учитывая, что обещанная правительством аграрная реформа в Чиуауа не двигалась с места. В 1918 году была распущена даже местная аграрная комиссия, призванная рассматривать просьбы безземельных и малоземельных крестьян о выделении им участков. Всего за время президентства Каррансы было распределено между крестьянами примерно 450 тысяч акров земли, что походило на насмешку над

³³ Katz F. The Life and Times of Pancho Villa. Stanford University Press, 1998. P. 649.

аграрной реформой.³⁴

Однако Вилья не откликнулся на реставрацию помещичьего землевладения в штате, хотя одиозное имя Террасаса могло бы придать его борьбе хотя бы какой-то смысл. Скорее всего, Вилья просто разуверился в людях, тех самых простых людях, которых защищал всю свою жизнь. В конце 1918 года он опубликовал открытое обращение к «социальной обороне», взывая к патриотическим чувствам ее бойцов. В обращении почти с надрывом подчеркивалось, что Вилья не враг угнетенных, а их самый верный защитник. Но видимого эффекта обращение не возымело: вести партизанскую войну становилось труднее с каждым днем.

Некоторые современные исследователи считают, что Вилья был агентом немецкой разведки, по крайней мере в годы Первой мировой войны.³⁵ Это столь же несправедливо, как и аналогичное утверждение в адрес Ленина. Конечно, немцам было на руку поддерживать Вилью как врага американцев, способного своими действиями вызвать войну между Мексикой и США. Незадолго до налета вильистов на Колумбус, в конце 1915 года американская полиция зафиксировала поступление на счет коммерческого агента Вильи в США Феликса Зоммерфельда (во время господства Вильи в Чиуауа тот получил крайне выгодную государственную концессию

³⁴ Meyer M., Sherman W. The Course of Mexican History. New York, 1987. P. 545.

³⁵ Вот одна из дискуссий на эту тему: <http://www.mexconnect.com/en/articles/1853-pancho-villa-as-a-german-agent>

на импорт динамита)³⁶ 340 тысяч долларов со счетов германского правительства в Нью-Йорке.³⁷

В марте 1916 года, сразу же после рейда на Колумбус, МИД Германии дало указание послу в США Бернсторфу снабжать Вилью оружием с американских фабрик, находившихся под контролем немецкого капитала. Планы по доставке оружия в Мексику морем были абсолютно нереальны ввиду полного господства в мировом океане английского флота. Но и американцы весьма плотно охраняли границу с Мексикой, что исключало переправку туда крупных партий вооружения. Даже сам Вилья, имевший неплохие связи в деловом мире южных американских штатов, не мог получить оттуда оружие, пусть и за твердую валюту.

По данным британской разведки, генеральному консульству Германии в Сан-Франциско все же удалось переправить Вилье оружие в гробах и нефтяных танкерах, однако верится в это с трудом. В декабре 1916 года, когда Вилья захватил Торреон, германский консул в этом городе предложил партизанскому командиру совершенно фантастический план. Согласно ему Вилья должен был атаковать всеми силами порт Тампико и тем самым заодно парализовать экс-

³⁶ Tobler H. W. Die Mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 222.

³⁷ Затем, по данным секретной службы Министерства финансов США, Зоммерфельд передал деньги американской фирме «Вестерн Картридж Компани», которая неоднократно поставляла Вилье оружие. Зоммерфельд на допросе утверждал, что после признания правительством США Каррансы прервал все связи с Вильей.

порт мексиканской нефти Антанте. В порту его ожидали бы германские суда с оружием. Консул даже предложил себя в качестве заложника и изъявил готовность сопровождать вильястов при их нападении на Тампико. Вилья сначала загорелся, но потом, видимо, все же понял, что посланец кайзера выдает желаемое за действительное. Никаких немецких кораблей у Тампико англичане и американцы не потерпели бы, а бравый немец просто заплатил бы своей жизнью за срыв мексиканского экспорта нефти.

В начале 1917 года немцы (похоже, уже просто от отчаяния) выдвинули еще более немыслимый план: Вилья, Феликс Диас и Сапата должны были соединиться с Каррансой и напасть на США. Понятно, что дальше стадии прожекта германского МИД подобный сценарий так и не продвинулся. А после вступления США в войну в апреле 1917 года немцы вообще забыли про Вилью, сконцентрировав все усилия на удержании Каррансы на позициях строгого нейтралитета. Каких-либо свидетельств об агентурной деятельности Вильи в пользу немецкой разведки до сих пор не обнаружено. Да, одно время Вилью и немцев объединяли сходные антиамериканские интересы, но, по-видимому, в сотрудничество они так и не переросли.

В 1917–1918 годах, однако, вовсе не Вилья с Сапатой были главными силами, составлявшими оппозицию правительству Каррансы. На юге страны неожиданно для властей возникло мощное движение, которое многие авторы – думает-

ся, ошибочно – называют контрреволюционным или реакционным. Классическая контрреволюция в Мексике была разгромлена еще в 1911 году вместе с режимом Диаса. С тех пор все повстанцы, боровшиеся против центральных властей, побаивались открыто призывать к реставрации прежних порядков. Да и режим генерала Уэрты, который сверг президента Мадеро в феврале 1913 года, вряд ли может считаться реставраторским. Как неоднократно упоминалось выше, Уэрта уделял большое внимание народному образованию и поддерживал аграрную реформу.³⁸ Его взгляды были, пожалуй, даже радикальнее, чем взгляды помещика Венустиано Каррансы. Не зря Карранса назвал свое оппозиционное Уэрте движение конституционалистским. Тем самым «дон Венус» подчеркивал, что намерен только восстановить в стране попорченную демократию, а отнюдь не проводить какие бы то ни было экономические реформы.

К 1916 году за пределами Мексики успела образоваться разношерстная, но одинаково непримиримо настроенная к режиму Каррансы эмиграция. Многие крупные помещики и соратники Порфирио Диаса уехали вместе с престарелым диктатором во Францию в 1911 году, что представляется естественным, если учесть преклонение правящего класса Мексики именно перед этой страной. В 1914 году Мексику покинули сторонники разгромленного Уэрты – главным

³⁸ Подробнее о внутренней политике Уэрты см. Meyer M. Huerta. A political Portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 156–178.

образом генералы и офицеры прежней федеральной армии. Карранса со свойственным ему упрямством распустил армию и запретил брать в ряды новых вооруженных сил прежних офицеров. Наоборот, по его приказу конституционалисты обычно расстреливали всех взятых в плен офицеров Уэрты.

Исключение составлял только Вилья. Начав в конце 1914 года борьбу с Каррансой, он активно привлекал в ряды своей «Северной дивизии» бывших офицеров. Как мы помним, главным военным советником Вильи, к которому он, к сожалению, не всегда прислушивался, был одно время самый талантливый и интеллигентный генерал федеральной армии Фелипе Анхелес. В этой книге уже упоминалось и о том, что именно из-за мягкого отношения Вильи к офицерам «реакционной» федеральной армии пропаганда Каррансы представляла его реакционером.

Неудивительно, что когда Вилья выступил против Каррансы, многие офицеры примкнули не к представителю высшего общества «дону Венусу», а к бывшему полуграмотному разбойнику «дону Панчо». Но после поражения Вильи в сражениях против Обрегона в 1915 году офицерам опять пришлось эмигрировать. В отличие от бывших соратников диктатора Диаса, денег у многих генералов не было. Им не хватало средств на билет до Европы, поэтому они по большей части осели в США, где занимались самыми разными делами. Анхелес, например, одно время даже был вынужден

работать на шахте, но долго там не выдержал.

Американская полиция (а после начала Первой мировой войны еще и британская и германская разведки в США) внимательно следила за мексиканской эмиграцией, в среде которой постоянно возникали всякого рода серьезные и не очень заговоры против режима Каррансы. Американцы старались эти заговоры пресекать на корню. Они полагали, что любой другой режим в Мексике будет гораздо более прогерманским. Достаточно вспомнить, что именно полиция США арестовала двух самых опасных для Каррансы эмигрантов – бывшего диктатора Уэрту и выдающегося военного вождя времен борьбы с Диасом Паскуалья Ороско, не дав им совместно перейти мексиканскую границу. Ороско был убит в стычке с американскими рейнджерами, а Уэрта умер на операционном столе в американской тюрьме в январе 1916 года (некоторые считают, что генерала «залечили» до смерти).³⁹ Похоронили этих во многом не понятых до сих пор людей на кладбище с символическим названием «Конкордия» («Concordia», что по-латыни значит «Согласие»).

Через шесть недель после смерти Уэрты из тexasского порта Гальвестон отплыл небольшой корабль, взявший курс на Веракрус. На его борту находился еще один вождь по-

³⁹ Meyer M., Huerta. A political portrait. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 229. При хирургической операции по удалению избыточной жидкости из пищеварительного тракта американский врач Шустер обнаружил цирроз печени, но лечить его не стал. Примерно через неделю после операции Уэрта пошел на поправку, а затем его здоровье быстро ухудшилось, и он скончался.

встанческого движения, которого не принимала всерьез даже американская полиция. Генерал Феликс Диас был племянником бывшего диктатора и кадровым военным, что автоматически делало его в глазах большинства мексиканцев контрреволюционером. В последние годы президентства своего дяди Феликс Диас был шефом мексиканской полиции и активно преследовал всех оппозиционеров. Незадолго до свержения диктатора Феликс успел несколько недель побыть губернатором Оахаки, родного штата Порфирио Диаса, и именно это обстоятельство и оказалось впоследствии ключевым для его политической деятельности. В 1912 году Диас поднял мятеж против Мадеро в Веракрусе, но был быстро разбит и посажен в тюрьму. Именно из тюрьмы, объединившись с Уэртой в феврале 1913 года, Диас сверг президента Мадеро. Уэрта обещал Диасу пост президента, но потом отправил незадачливого конкурента в эмиграцию.

Любопытно сравнить две родственные пары: Порфирио Диаса и его племянника Феликса Диаса и Наполеона I и его племянника Наполеона III. В обоих случаях младший унаследовал от старшего лишь громкое имя. Если Порфирио Диас обладал несомненным талантом военачальника, проявившимся в годы борьбы мексиканского народа против французской интервенции Наполеона III, и острым чутьем политического деятеля (никто ни до, ни после него не управлял Мексикой столько лет), то Феликс Диас был человеком, мягко говоря, средних способностей, к тому же явно неве-

зучим.

Стоило его судну отплыть из Гальвестона, как Диас ухитрился потерпеть кораблекрушение и, промокнувший до нитки, едва выбрался вместе со своими соратниками на берег в районе мексикано-американской границы, за сотни миль от Веракруса.⁴⁰ Утонули все речи, планы и прокламации будущего национального лидера, что, впрочем, оказалось для Феликса плюсом. Он смог скрыть свое имя при допросе и пробрался в Мехико, а оттуда на юг, в свою родную Оахаку Мексиканский юг (штаты Оахака, Чьяпас, Табаско, Герреро и Веракрус) в те годы был охвачен разрозненным, но довольно массовым оппозиционным вооруженным движением. Земельный вопрос в южных штатах остро не стоял, поэтому активного участия в революции южане не принимали. Когда в эти штаты пришли конституционалистские войска, то местное население восприняло это как вторжение северян (местных уроженцев в армии Каррансы практически не было). В свою очередь, северяне-каррансисты считали местное, в основном индейское население забитыми церковью реакционерами и насаждали новые порядки грубой силой (на севере Мексики были особенно распространены расистские предрассудки в отношении индейцев как неспособной к прогрессу расе). К этому стоит прибавить общее для офицеров конституционалистов стремление обогатиться за счет всякого рода рекви-

⁴⁰ Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 378.

зиций и «налогов».

Вместе взятые, эти факторы привели к началу вооруженной борьбы под самыми разными лозунгами. Штат Оахака формально восстал против правительства Каррансы, считая, что нарушены его суверенные права. В Чьяпасе еще во времена Диаса (дяди) активно действовали повстанцы индейцы-мая, которые просто хотели, чтобы белые люди не вторгались в их веками устоявшийся жизненный уклад. Во всех оппозиционных движениях активную роль играли бывшие офицеры федеральной армии, выброшенные из жизни непримиримой политикой Каррансы. Повстанцев поддерживала и очень влиятельная на юге Мексики католическая церковь. Таким образом, движение южан можно охарактеризовать скорее не как реакционное (тем более контрреволюционное), а как провинциально-патриархальное и местническое. Этому движению не хватало только единого лидера и общей программы.

Оба эти фактора появились с прибытием в Оахаку Феликса Диаса. Племянник бывшего диктатора официально вступил в командование примерно тремя тысячами бойцов. Программа Диаса, с ее основным лозунгом «Мир и справедливость», была отнюдь не махрово-реакционной. Феликс позиционировал себя как наследник идей Хуареса, поэтому выступал за восстановление Конституции 1857 года. Аграрная программа у феликсистов была, пожалуй, даже более радикальной, чем у Каррансы. В ней содержались требования о

разделе помещичьих земель и о наделении ими крестьянских общин – «эхидос». Так как эти общины состояли в основном из индейцев юга Мексики, там это требование было особенно популярным. На севере же, где не было ни индейцев, ни «эхидос», считали индейские общины пережитком варварского прошлого коренного населения. Феликсисты требовали уважительного отношения к церкви, что не удивляет, если учесть показной антиклерикализм некоторых генералов Каррансы. Но главным требованием повстанцев было прекращение самовольных реквизиций и поборов «во имя революции». Именно поэтому пропаганда Каррансы и представляла движение Феликса Диаса реакционным. Естественно, активно эксплуатировала она и одиозное для многих имя вождя оппозиционеров.

В своих манифестах феликсисты справедливо говорили о том, что аграрная реформа конституционалистов до сих пор повлекла за собой только переход некоторых латифундий в руки «революционных» генералов. Да и вообще пока что революция ведет только к образованию прослойки нуворишей и ничего не дает простому населению. Конечно, трудно предположить насколько искренними были радикальные требования программы Феликса Диаса. Возможно, он лишь отдавал дань общим настроениям в стране. Но в любом случае социально-экономическая платформа у феликсистов была, пусть и на словах, несколько не реакционнее, чем у Каррансы.

Старт движения Диаса выглядел малообещающе. В конце 1916 года правительственные войска начали наступление в Оахаке и быстро загнали местные отряды повстанцев в горы. Крупная армия в горах прокормиться не могла, и Феликс Диас вместе с примерно тремя тысячами сторонников отступил на юг в самый отдаленный штат Мексики Чьяпас. Поход через влажные тропические джунгли превратился в катастрофу. Путникам даже пришлось питаться мясом обезьян.⁴¹ Когда Диас наконец добрался до Чьяпаса, с ним оставалось не более сотни человек. Правительственные газеты потешались над незадачливым племянником диктатора и поспешили объявить его движение несуществующим. Но в Чьяпасе к Диасу примкнули местные индейцы, которые перешли в ряды оппозиции только из-за неуважительного отношения к ним «прогрессивных» конституционалистов.

К началу 1917 года Диас опять появился в Оахаке. К 1918-му его сторонниками объявили себя повстанцы уже практически во всех штатах страны. Правда, многие сделали это сугубо из тактических соображений. Диас при поддержке бывших генералов федеральной армии, среди которых выделялись наиболее толковые офицеры войск Уэрты Бланкет и Баррон, организовал свои силы в 10 дивизий. Конечно, часть этих дивизий существовала только на бумаге, но основные силы феликсистов в районе Оахаки и Веракруса насчитыва-

⁴¹ Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction. London, Cambridge University Press, 1990. P. 379.

ли не менее 10 тысяч бойцов, хотя и плохо вооруженных. Зять Каррансы и губернатор Веракруса Агилар не исключал даже взятия Феликсом этого ключевого порта страны. Губернатор признавал, что большинство добровольцев пришли в ряды армии Диаса только из-за недовольства действиями правительственных войск и из-за отсутствия реальных социально-экономических реформ в стране.

Движение Диаса отличалось от движений Вильи и Сапаты еще и тем, что имело влиятельное лобби за границей. После начала Первой мировой войны Феликс не уставал клеймить режим Каррансы как прогерманский, а себя позиционировал как стойкого сторонника Антанты. Эту точку зрения активно пропагандировала антикаррансистская мексиканская эмиграция. Однако США, единственная страна, которая могла бы помочь феликсистам оружием, относилась к Диасу настороженно. Во-первых, его, как и дядю, считали сторонником европейской, а не американской ориентации во внешней политике Мексики. Во-вторых, президент США Вильсон ненавидел Уэрту как узурпатора и германофила, а ведь Феликс одно время был ближайшим соратником почившего в бозе диктатора. Наконец, американцы полагали, и абсолютно верно, что в военном отношении Диас все равно не представляет реальной угрозы Каррансе, поэтому поддержать феликсистов – значит только усилить и так плохо скрываемую ненависть правителя Мексики к США.

Еще сложнее определить политический характер движе-

ния генерала Мануэля Пелаеса, действовавшего в 1914–1920 годах в районе крупнейших нефтяных месторождений Тампико.⁴² Пелаес признавал лидерство Диаса и даже встречался с ним в 1918 году в своей штаб-квартире. Однако его движение было абсолютно другим и походило по внешним признакам скорее на Освободительную армию Юга Сапаты (как уже упоминалось, Сапата признавал Пелаеса, в отличие от Феликса Диаса, настоящим революционером).

⁴² Knight A. The Mexican Revolution. Volume 2: Counter-revolution and Reconstruction, London, Cambridge University Press, 1990. P. 386.

Мануэль Пелаес

Пелаес родился в 1885 году в регионе Уастека, центром которого и был город Тампико. В 1901 году жизнь этого мексиканского захолустья на атлантическом побережье изменилась коренным образом – там обнаружили нефть. Се-

мья Пелаеса установила довольно тесные связи с иностранными нефтяными компаниями, и Пелаес как местный авторитет иногда участвовал в разрешении споров между мексиканскими рабочими нефтепромыслов и их иностранными (английскими и американскими) хозяевами. В 1910 году Пелаес примкнул к движению против Порфирио Диаса и организовал на свои средства вооруженный отряд. После свержения диктатора Пелаеса как сторонника нового революционного президента Мадеро избрали мэром города Аламо. Однако, как и многие в стране, Пелаес быстро разочаровался в Мадеро, которого считал прекраснодушным мечтателем, неспособным к реальному управлению страной, и примкнул к мятежу Феликса Диаса в 1912 году. После поражения этого выступления в октябре того же 1912 года Пелаес бежал в США.

Приход к власти Диаса и Уэрты в феврале 1913 года побудил Пелаеса вернуться в страну спустя два месяца, в апреле. Летом Пелаес встретился в Мехико с Уэртой и получил от диктатора средства на организацию отряда в 500 человек для защиты нефтяного региона Тампико от конституционалистов. Свой отряд Пелаес назвал «отечественной гвардией». В этом названии, пожалуй, и заключался главный смысл движения Пелаеса – он защищал «свой» регион Тампико от любого вмешательства извне. Генерал никогда не претендовал на общенациональную роль, а в его отрядах, численность которых не превышала 6 тысяч человек, воева-

ли только местные жители. Как и армия Сапаты, бойцы Пелаеса собирались вместе только для проведения боевых операций крупного масштаба. В остальное время они работали на своих фермах или на нефтяных месторождениях. Примерно половина армии Пелаеса представляла собой части постоянной боевой готовности. Остальные составляли резерв, привлекавшийся только в самом крайнем случае. В этом отношении тактика Пелаеса удивительно напоминала тактику сапатистов.

Правда, в отличие от Сапаты, у Пелаеса не было проблем с деньгами. Генерал взимал «налоги» с иностранных нефтяных компаний и в обмен оказывал им «покровительство». В спокойное время Пелаес собирал с каждой компании по 10 тысяч песо. Во время боевых действий – в три раза больше. На этом основании пропаганда Каррансы пыталась представить Пелаеса простой марионеткой иностранных империалистов. Но дело было гораздо сложнее – скорее, нефтяным компаниям приходилось платить Пелаесу, чтобы тот не мешал их бизнесу. Ведь выплачивали же американцы «налоги» Вилье. Их взимали и офицеры правительственных войск в регионе Тампико. Нефтяные компании платили тем, кто в данный конкретный момент главенствовал в регионе. В 1915-1920 годах – как правило, Пелаесу.

В апреле 1914 года американцы захватили Тампико, придравшись к инциденту со своими моряками.⁴³ В мае в город

⁴³ Подробнее об американской интервенции в Мексику в 1914-1916 годах

вошли части конституционалистов. Пелаесу снова пришлось бежать в США. Он вернулся уже в октябре, когда стал очевиден раскол между победившими Уэрту Вильей и Каррансой. Пелаес примкнул к Вилье, но после разгрома последнего Обрегоном в 1915 году оружия не сложил. С тех пор Пелаес действовал самостоятельно, отбив только в 1917–1918 годах пять крупных наступлений конституционалистов на регион Уастека. Конечно, правительственные силы контролировали порт Тампико, но все окрестности «монополизировали» гвардейцы Пелаеса.

В госдепартаменте США после принятия в январе 1917 года новой мексиканской Конституции одно время вынашивали план нового захвата Тампико с помощью частей Пелаеса, чтобы не дать Каррансе национализировать нефтяную промышленность. Нефтяным компаниям США в регионе даже разрешили снабжать Пелаеса не только деньгами, но и оружием. Однако американские бизнесмены были гораздо осторожнее политиков – они понимали, что в военном отношении партизанские отряды Пелаеса не представляют реальной конкуренции правительственной армии.

К 1918 году в районе Тампико установилось фактическое двоевластие. На тот момент правительственные войска в этом районе состояли уже не из революционеров, а из призывников, не желавших воевать в чужой для них местности.

см. Eisenhower J. Intervention!: The United States and the Mexican Revolution, 1913-1917. New York, 1993.

Солдат плохо кормили, у многих из них не было даже обуви, а офицеры продавали боеприпасы Пелаесу, для чего им приходилось время от времени организовывать стычки с его отрядами, чтобы оправдать расход боезапаса и просить Военное министерство о присылке новых партий оружия и боеприпасов. Но в целом гвардейцы Пелаеса и правительственные части старались друг другу не досаждать. Известен даже случай, когда солдаты прислали партизанам, находившимся в соседней деревне (на расстоянии примерно двух миль), в качестве подарка на праздник бойцового петуха и поставили на него 500 песо.

Формально, как упоминалось выше, Пелаес признавал главенство Феликса Диаса, но мы уже видели, что его политические пристрастия менялись самым неожиданным образом. Популярность Пелаеса в своем регионе базировалась всего-навсего на том, что он не пускал туда чужаков и платил своим солдатам хорошее жалованье из средств нефтяных компаний. Пелаес поддерживал контакты с Сапатой, но это сотрудничество основывалось только на общей ненависти к Каррансе.

В целом и Сапата, и Вилья, и Диас с Пелаесом никогда не угрожали самому существованию режима Каррансы. И дело здесь было не только в подавляющем огневом превосходстве правительственной армии над полупартизанскими оппозиционными отрядами. Большинство населения Мексики того периода все же считало центральную власть революци-

онной и ожидало от нее реализации обещанных в Конституции 1917 года реформ, прежде всего аграрной. Недовольство практически полным отсутствием этих реформ было направлено не в сторону власти вообще, а в сторону лично Каррансы. К тому же радикально настроенные губернаторы многих штатов (а почти все губернаторы были в той или иной мере радикальнее президента, потому что не могли не реагировать на чаяния жителей своих территорий) реформы на местах проводили, и подчас весьма глубокие.

Считать самого Каррансу отъявленным реакционером тоже было бы неправильно. Да, президент не был согласен со многими радикальными положениями Конституции 1917 года, но он ратовал за осторожные реформы. Правда, при двух условиях – уважении закона и возмещении убытков всем тем, кого правительство лишало собственности в пользу других.⁴⁴ Исключение здесь составляли враги конституционалистов, собственность которых изымалась без всякой компенсации.

Как и любое правительство Мексики со времен обретения страной независимости, Карранса должен был решить три основных вопроса страны: аграрный, церковный и рабочий (правда, сам президент последнюю тему особо важной

⁴⁴ Экспроприированные земли сначала передавались сельским общинам, которые были обязаны разделить их на участки для передачи в собственность отдельным крестьянам. Каждый житель деревни мог претендовать на участок, выплачивая сразу 10 % его стоимости и еще 90 % равными частями в течение 9 лет под 5 % годовых.

не считал).

С католической церковью у мексиканских либералов были очень сложные отношения еще со времен Хуареса. Католический клир активно поддерживал врагов Конституции 1857 года, а потом и французских интервентов. При Порфирио Диасе, который тоже формально считал себя продолжателем дела Хуареса, отношения немного нормализовались, но все испортила активная поддержка католическим епископатом режима Уэрты. В ходе борьбы против диктатора все церковные земли и многие храмы были реквизированы властями как принадлежащие врагам революции. Некоторым епископам после падения Уэрты летом 1914 года пришлось уехать в эмиграцию, откуда они критиковали новую власть.

Следует подчеркнуть, что активная борьба с церковью как силой мракобесия и врагом прогресса была общей чертой всех либеральных и революционных движений мира со времен Великой французской революции – а мексиканский образованный класс ориентировался именно на Францию. С католиками и православными (протестантов во многих странах считали прогрессивной, почти светской церковью) боролись государственные деятели от Бисмарка до Ленина. Кстати, помимо большевиков противниками церкви, и подчас куда более непримиримыми, были и кадеты, не говоря уже о меньшевиках или ультрареволюционных эсерах.

В Мексике начала XX века антиклерикализм тоже считался признаком хорошего тона и служения прогрессу чело-

вечества. Статьи 3 и 130 Конституции 1917 года запрещали церкви всякое вмешательство в политику и подтверждали запрет на владение ею недвижимостью. К тому же власти штатов получали право ограничивать количество служителей культа по своему усмотрению. Наконец, иностранным проповедникам (имелись в виду прежде всего испанцы как идейные наследники бывшей метрополии) было предписано покинуть Мексику.

Неудивительно, что в феврале 1917 года четырнадцать мексиканских епископов из эмиграции выступили с решительным осуждением Конституции 1917 года⁴⁵. Они утверждали, что конституционный Конвент в Керетаро был неправомочен менять основной закон страны, так как от выборов в него отстранили целые слои общества. Подразумевались главным образом та же церковь и крупные помещики, которые к моменту принятия Конституции по большей части уже эмигрировали. Епископы утверждали, что по-настоящему легитимной является только Конституция 1857 года (отсюда и соответствующие лозунги Феликса Диаса). Хотя и та Конституция, мягко говоря, симпатий к церкви не выказывала, но там по крайней мере не было ограничения на количество священнослужителей.

Первоначально заявление епископов-эмигрантов большого резонанса в Мексике не вызвало. Но в июле 1917 года

⁴⁵ Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 375.

скрывавшийся от властей в подполье архиепископ Гвадалахары Франсиско Ороско-и-Хименес призвал своих священников прочитать это обращение во время воскресной мессы. Гвадалахара была столицей штата Халиско, которым управлял бывший рабочий, а ныне генерал революционной армии Мануэль Дьегес. Дьегес был, наряду с губернаторами Кальесом в Соноре и Альварado в Юкатане, одним из самых радикальных антиклерикалов в стране. Гвадалахару захлестнули поддержанные Дьегесом антирелигиозные демонстрации, после которых губернатор просто закрыл все основные церкви города. Кстати, многие церкви оставались закрытыми по всей стране и до этих событий – в них размещались правительственные учреждения, казармы, школы и склады.

К осени страсти улеглись, и восемь церквей Гвадалахары возобновили свою работу. Но Дьегес, как и Кальес с Альварado в своих штатах, воспользовался церковным бунтом и резко сократил количество священнослужителей в Халиско (с формальной точки зрения, осудив Конституцию, церковники действительно грубейшим образом преступили закон). Правда, Кальес вообще выслал из Соноры всех служителей культа.

Карранса, просвещенный человек своего времени, никаких особых симпатий к католикам не испытывал и против мер Дьегеса и Кальеса не возражал. Однако, будучи прагматиком, он понимал, что с церковью надо как-то договориться, чтобы хотя бы выбить почву из-под ног у фелик-

систов. К тому же антицерковные меры в Мексике находили благодаря международным связям церкви очень неблагоприятный отклик в мире. Президент понимал – основным камнем преткновения между властями и клиром является судьба конфискованной у церкви в годы гражданской войны собственности, прежде всего недвижимости. В этом вопросе Каррансу раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, «дон Венус» был непреклонен в том, что касалось наказания всех, кто посмел выступить против него с оружием в руках, или, как в случае с церковью, идейно и материально поддерживал врагов революции. С другой стороны, Карранса был, как уже неоднократно упоминалось, сторонником священного для него права частной собственности.

С помощью своего верного соратника министра финансов Кабреры Карранса выработал следующий компромисс.⁴⁶ Если конфискованная в ходе войны недвижимость принадлежала священнослужителю как частному лицу, то она подлежала возврату. Но если речь шла о собственности церкви или ее общественных организаций, то имущество надлежало передать в государственную собственность. Карранса и Кабрера понимали, что церковь попытается перерегистрировать свое имущество на частных лиц, и поэтому оно подвергалось строгой проверке. Если выяснялось, что имущество дарили или передавали частному лицу церковные орга-

⁴⁶ Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 377–378.

низации, оно также подлежало конфискации. Имели место случаи, когда служащие Министерства финансов, занимавшегося управлением конфискованной собственностью, проверяли кадастровые списки нескольких поколений владельцев. В целом можно констатировать, что, как правило, власти отказывали в возвращении конфискованной церковной собственности, и такая позиция была популярна в народе, за исключением населения южных штатов.

Осенью 1918 года Карранса предложил Конгрессу изменить «церковные» статьи мексиканской Конституции, чтобы нормализовать отношения с церковью.⁴⁷ Он предлагал отменить право властей штатов ограничивать количество священнослужителей, снова разрешить деятельность иностранных миссионеров (такая мера, несомненно, улучшила бы и отношения с США, которые только что выиграли Первую мировую войну) и запретить церкви владеть только недвижимостью, но не собственностью вообще. Для одобрения конституционных поправок требовалось две трети голосов мексиканского парламента и одобрение большинства парламентов штатов. Но подавляющее количество депутатов как на национальном, так и на региональном уровне были настроены жестко антиклерикально, и поправки Каррансы не имели никаких шансов на успех.

Таким образом, все время президентства Каррансы цер-

⁴⁷ Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 380.

ковь и государство находились в состоянии, которое в лучшем случае можно назвать «холодной войной». Никаких симпатий к новому режиму большинство католических иерархов не испытывали. В недалеком будущем это сказалось на судьбах Мексики самым пагубным образом.

Но если церковный вопрос относился скорее к мировоззренческим и идеологическим, то подавляющее население Мексики было кровно заинтересовано в разрешении другого вопроса – аграрного. Декретом 6 января 1915 года, принятым в самый критический период правления Каррансы, когда, казалось, Сапата и Вилья вот-вот возьмут власть в стране, разрешалась временная передача земель в собственность деревенских общин – «эхидос». Конституция 1917 года превращала этот временный принцип в постоянный. Во всех штатах учреждались аграрные комиссии, куда должны были обращаться деревни, претендовавшие на получение земли.⁴⁸ Государство согласно Конституции наделяло крестьянские общины землей либо за счет пустующих земель (как правило, полупустынных и без дорогостоящей ирригации не имевших никакой сельскохозяйственной ценности), либо за счет помещиков, которым надлежало выплачивать компенсацию.⁴⁹

⁴⁸ Национальная аграрная комиссия официально приступила к распределению земель, издав 19 января 1917 года циркуляр о претворении в жизнь декрета 1915 года.

⁴⁹ Компенсацию за помещичью землю Национальная аграрная комиссия ввела в 1919 году своим циркуляром № 34. От компенсации освобождались только те

Карранса был против возрождения в стране общинного землепользования. Сапата в своих манифестах подчеркивал, что в Каррансе говорила классовая солидарность с помещиками, одним из которых и был сам «дон Венус». Представляется, что вопрос был несколько сложнее. Действительно, Карранса владел в своем родном штате Коауила примерно 70 тысячами гектаров земли (явно заниженная налоговая стоимость этих земель составляла 35 тысяч песо – максимум треть от реальной цены). Но большинство из этих земель были пастбищами, и батраки-пеоны там не трудились. К тому же по меркам севера Мексики Карранса являлся скорее средним, чем крупным землевладельцем.

Суть в том, что он, как и подавляющее большинство мексиканского образованного класса, включая, например, и Обрегиона, считал общинную форму владения землей отсталой в агротехническом смысле. Только крупные поместья, по его мнению, могли обеспечить передовые методы возделывания технических культур, особенно сахарного тростника и обеспечить валютные поступления в страну. Со скотоводством, основой сельского хозяйства Севера, вопрос представлялся Каррансе еще более ясным – лишь крупные ранчо могли наладить экспорт живого скота в США. Поэтому Карранса был в принципе за мелкого частного собственника, наделить которого землей надлежало главным образом за счет бросо-

крестьяне, которые могли доказать, что помещики ранее несправедливо отобрали у них землю.

вых земель или раздела латифундий врагов революции, в том числе и церкви.

Интересно, что подобные взгляды Каррансы практически ничем не отличались от взглядов Ленина. Большевики тоже стремились сохранять неразделенными передовые помещичьи хозяйства, которые преобразовывались в совхозы, к неудовольствию окрестных крестьян, мечтавших поскорее разделить инвентарь и скот своих бывших хозяев.

Однако Карранса не мог не учитывать настроений крестьян, особенно индейцев, в основном склонявшихся именно в пользу общинного, традиционного землевладения. Президент избрал тактику затягивания аграрной реформы, не отвергая ее в принципе. «Эхидос», подававших в аграрные комиссии штатов или в Национальную аграрную комиссию петиции с требованием возврата несправедливо отнятых у них ранее помещиками земель, подчас годами мурыжили в различных органах и судах. К тому же у многих общин вообще не было никаких документов на землю. Ведь индейцы владели землей еще до прихода испанцев и, естественно, не имели на этот счет кадастровых ведомостей. Да и многие помещики, потомки испанских конкистадоров, в качестве обоснования своих претензий просто указывали на право завоевателя, тоже ничем не подтвержденное.

Другим препятствием для малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих была необходимость внесения государству платы за землю. Министр финансов Кабре-

ра по поручению Каррансы объехал страну, чтобы выяснить, за какую цену помещики готовы продать свои земли государству. В разных регионах цифры, конечно, отличались, варьируясь в диапазоне от 110 до 250 песо за 5 гектаров (именно такой надел считался минимально достаточным для прокорма крестьянина и его семьи). По предложению Каррансы, крестьянин заранее должен был возместить государству стоимость этой земли, чтобы оно могло выкупить ее у помещика. Будущий собственник сразу выплачивал десять процентов общей стоимости надела, а остальную часть возмещал в течение 9 лет, причем на эту сумму начислялись в пользу государства 5 % годовых, чтобы побудить крестьян рассчитываться с властями быстрее. Однако если учесть, что в некоторых штатах сельскохозяйственные рабочие получали не более 30–50 сентаво в день, и этих денег едва хватало, чтобы прокормить семью, то накопить даже 25 песо для первоначального взноса представлялось делом абсолютно нереальным. К тому же помещики требовали, чтобы государство выкупало их землю за серебро или золото, не желая принимать обесценившиеся бумажные деньги правительства Каррансы.

В январе 1920 года Конгресс утвердил закон, разрешавший правительству выпустить облигации на общую сумму в 50 миллионов песо сроком на 20 лет и под 5 % годовых. За счет этих облигаций планировалось выплачивать компенса-

цию помещикам.⁵⁰ Однако последние хотели компенсацию сразу и желательно золотом.

Неудивительно, что аграрная реформа во времена Каррансы продвигалась медленно, причем темп ее проведения падал с каждым годом президентства «дона Венуса». Всего в 1917-1920 годах общины получили примерно 200 тысяч гектаров земли (менее 1 % сельскохозяйственных земель страны). 90 тысяч из них было распределено в 1917 году, а в 1919-м – только 6 тысяч. В январе 1919 года Национальная аграрная комиссия разослала на места характерный циркуляр, в котором от крестьян требовали перед наделением земель давать государству письменную подписку с обязательством вернуть деньги, потраченные на выкуп земли у помещика. А в декабре 1919 года Карранса наложил вето на принятый Конгрессом закон, разрешавший крестьянам временное пользование брошенными землями.⁵¹ В качестве обоснования своего отказа президент опять ссылался на незыблемое право частной собственности. Карранса неоднократно подчеркивал, что наделение земель крестьян должно восприниматься теми как разовый акт государственной благотворительности, а не как постоянная политика страны.

Тем не менее, несмотря на весь консерватизм Каррансы, именно в годы его правления аграрная реформа стала вос-

⁵⁰ Ruiz R. E. The Great Rebellion. Mexico 1905-1924. New York, 1980. P. 309–310.

⁵¹ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 344.

приниматься всеми политическими силами страны и самими крестьянами как данность мексиканской действительности. Уже никто, даже Феликс Диас или католическая церковь, не смели поставить под вопрос сам принцип общинного землевладения и перераспределения сельскохозяйственных угодий.

Рабочий вопрос многие мексиканские политики-революционеры не считали особенно значимым в социальном контексте страны. Ведь рабочих было мало, не более 12 % активного населения (торговцев, например, было больше). К тому же в большинстве районов Мексики крупного промышленного производства попросту не существовало. Пролетариат страны в основном концентрировался в трех районах: столичном округе (электрики, рабочие арсеналов, железнодорожники – более половины всего мексиканского пролетариата работали в Мехико и его окрестностях), на нефтяных промыслах Тампико и в районе Веракруса, где располагались текстильные фабрики. Настроения рабочих этих трех регионов разнились. Столичный пролетариат желал сотрудничества с властями, отвергал политическую борьбу и был во власти теорий тред-юнионизма в стиле Американской федерации труда (по этим теориям, рабочим полагалось выдвигать только экономические требования). Текстильщики и портовые рабочие Веракруса имели самое высокое классовое самосознание и еще во время Диаса выходили на забастовки и митинги под политическими лозунгами. Наконец, рабочие

Тампико находились под влиянием анархистов из американской организации «Индустриальные рабочие мира», считавшей профсоюзы выше любой политической партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.